

Зуев Андрей Сергеевич

**ПРИСОЕДИНЕНИЕ КРАЙНЕГО СЕВЕРО-ВОСТОКА
СИБИРИ К РОССИИ: ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.
ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVII – XVIII ВЕК**

Специальность: 07.00.02. – Отечественная история

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Работа выполнена в Новосибирском государственном университете, на кафедре отечественной истории

Научный консультант: доктор исторических наук,
профессор, академик РАН
Дервянко Анатолий Пантелеевич

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Жеравина Аниса Нурлгаяновна;
доктор исторических наук, профессор
Шерстова Людмила Ивановна;
доктор исторических наук, профессор
Ремнев Анатолий Викторович

Ведущая организация: Институт истории СО РАН

Защита состоится 14 октября 2005 г. в 15.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.267.03 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история, 07.00.03 – Всеобщая история (нового и новейшего времени), 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования при Томском государственном университете (634010, г. Томск, пр. Ленина, 36)

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Томского государственного университета.

Автореферат разослан «___» _____ 2005 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор исторических наук, профессор

О. А. Харусь

I. Общая характеристика работа

Актуальность и научная значимость исследования. История России представляет собой историю взаимодействия разных этносов и культур. Этим обуславливается непреходящий интерес исторической науки к изучению процессов объединения и сосуществования под властью великой державы столь разных по своему этническому, социально-экономическому и культурному облику народов. В последние 15 лет тема расширения пределов России и взаимоотношения русского и нерусских народов проходит «красной нитью» через многие исследования, которые ведутся в рамках различных дискурсов – «евразийства», «истории империи», «теории фронта», «теории модернизации» и т. п. Внимание к данной теме вполне созвучно общемировым тенденциям развития гуманитарной мысли, которая в условиях глобализации всех сторон жизни человечества акцентирует свое внимание на контактах, взаимосвязи и взаимовлиянии разных культур. За рубежом, а в последнее время и в российской науке популярным стало исследование, в рамках междисциплинарных подходов, проблем межкультурной (кросскультурной) коммуникации. На фоне мировой истории межкультурной коммуникации по своим масштабам, специфике и результатам, безусловно, выделяются контакты России со странами и народами Азии. Составной частью этих контактов явилось присоединение к России огромной территории Сибири и взаимодействие русских с местным населением. Эти проблемы живо интересуют исследователей, о чем, помимо многочисленных публикаций, свидетельствует разработанная и принятая к исполнению в 2004 г. долгосрочная программа фундаментальных исследований Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии».

Взросшее внимание исследователей к проблеме присоединения Сибири и ее отдельных территорий к России вполне объяснимо. В этой теме остался дискуссионным и нерешенным ряд принципиальных вопросов, в том числе важнейший вопрос о характере самого процесса присоединения. Практически отказавшись от господствовавшего в советской историографии тезиса о «добровольном вхождении» сибирских народов в состав России, исследователи сегодня пишут о сложном и противоречивом характере присоединения. Но при этом нельзя не заметить, что оценки носят скорее интуитивный, нежели строго научный характер, поскольку в сибиреведении до сих пор не разработаны критерии и параметры, позволяющие характеризовать присоединение, отсутствует общепринятая терминология, дающая возможность оперировать строго выверенными понятиями. Кроме того, перед исследователями до сих пор стоит несколько очень интересных вопросов, чрезвычайно актуальных для правильного понимания процесса присоединения: от каких обстоятельств зависела степень сопротивления аборигенов и его длительность, была ли картина присоединения мозаичной или в ней можно проследить некие закономерности, какими факторами эти закономерности определялись, благодаря чему русским удалось за относительно короткий срок пройти всю Сибирь от Урала до Тихого океана, каковы были причины, порождавшие русско-аборигенные конфликты. Найти ответы на эти вопросы можно, только обратившись к детальному анализу конфликтной (военной) стороны русско-аборигенных отношений. В этом плане особенный интерес должны вызвать те районы, где сопротивление русским было наиболее сильным и продолжительным.

К числу таких районов относится крайний северо-восток Сибири. Выйдя сюда в середине XVII в., русские столкнулись с серьезным сопротивлением местных народов – коряков, чукчей и азиатских эскимосов. Вооруженное противоборство, прерывавшееся мирными передышками, растянулось более чем на столетие, принимая в отдельные годы характер масштабных (по сибирским меркам) боевых действий. Объяснение данного феномена – длительного и упорного сопротивления маленьких народов огромному Российскому государству – нуждается в обстоятельном анализе, который будет способствовать решению ряда важных проблем.

Во-первых, изучение русско-аборигенного противостояния позволит выявить методы и средства, с помощью которых Российское государство осуществляло подчинение новых территорий и народов.

Во-вторых, важно понять, в силу каких причин и факторов малочисленным «диким» народам, находившимся на стадии каменного века и первобытнообщинного строя, удалось столь длительное время оказывать сопротивление государству, обладавшему несравненно большим военным потенциалом.

В-третьих, усиление вооруженных столкновений русских с чукчами, эскимосами и коряками во второй четверти XVIII в. хронологически совпало с активизацией русской экспансии в северной акватории Тихого океана. Соответственно, анализ событий на крайнем северо-востоке Сибири необходим для лучшего понимания внешнеполитической стратегии России на Дальнем Востоке.

В-четвертых, анализ аборигенной политики Российского государства и ее воплощения в жизнь лежит в русле популярных в настоящее время исследований, посвященных различным аспектам российской имперской и национальной истории. Для более полного понимания «империи»- и «нациостроительства» необходимо учитывать все их грани, в том числе общее и особенное процесса интеграции в империю различных народов, даже отдаленных и «примитивных».

В конечном счете, изучение хода присоединения крайнего северо-востока Сибири и взаимоотношений русских с чукчами, эскимосами и коряками дополнит представление о присоединении Сибири к России, а в более широком плане – о процессе взаимодействия европейской цивилизации с первобытной периферией.

Объектом нашего исследования стал процесс присоединения крайнего северо-востока Сибири к России в двух его главных проявлениях – в государственной политике по отношению к коренному населению и в русско-аборигенных отношениях, **предметом** – военно-политическое взаимодействие русской власти и русских с чукчами, азиатскими эскимосами и коряками в ходе присоединения, что позволит определить характер и основные параметры этого процесса и русско-аборигенных отношений, методы и средства подчинения местного населения с учетом их динамики и эволюции.

Под присоединением в историко-политическом ракурсе понимается политико-правовой акт, обозначающий процесс и фиксирующий результат включения «чужих» территорий и народов в состав какого-либо политического образования (в нашем случае России) и «другого» социума (российского). Присоединение может быть военным (завоевание) или мирным. Военный аспект определяется нами как вооруженная насильственная сторона процесса присоединения и русско-аборигенного взаимодействия. Политический аспект трактуется исходя из определения политики, с одной стороны, как действия, направленного на захват или удержание власти, в нашем случае над определенной территорией, ее ресурсами и населением, с другой – как взаимодействия между двумя и более политическими сообществами (образованиями). Оба аспекта выступают в тесной взаимосвязи, поскольку война, как известно, является одним из методов проведения политики¹.

Территориальные рамки охватывают крайний северо-восток Сибири, а точнее территорию обитания чукчей, коряков и эскимосов, т. е. Чукотку, север Охотского и Берингоморского побережий, включая северные районы Камчатского полуострова. В территориальные рамки подпадает и низовье р. Колымы, где в XVII – первой четверти XVIII вв. проживала небольшая группа чукчей. Обозначенная территория в XVII–XVIII вв. в географическом и административно-территориальном отношении считалась частью Сибири.

Хронологические рамки исследования определяются достаточно четко. Нижний рубеж – середина XVII в. – время выхода русских на крайний северо-восток Сибири и начало их взаимодействия с чукчами, азиатскими эскимосами и коряками, которое стало развиваться по линии военной конфронтации. Верхний рубеж – последняя четверть XVIII в. – ознаменовался окончательным прекращением военных действий, установлением мирных отношений и формальным принятием указанных народов в российское подданство.

Степень изученности темы. Тема присоединения и русско-аборигенных отношений впервые была поднята в 1730–40-х гг. в трудах сотрудников Второй Камчатской экспедиции (Г. Ф. Миллера, Г. В. Стеллера и С. П. Крашенинникова). В XIX в. огромное значение для этнографического изучения региона имел сбор материалов, осуществлявшийся участниками различных экспедиций (И. Ф. Крузенштерном, В. М. Головинным, Ф. П. Врангелем, И. Кибером, К. И. Богдановичем и др.), а также сибирскими краеведами (Н. С. Щукиным), священниками-миссионерами (А. Аргентовым), чиновниками (К. М. Дитмаром, Г. Л. Майделем, И. Д. Булычевым, Н. Л. Гондатти), местными жителями (Г. Дьячковым). В этом же столетии был издан корпус документальных и законодательных источников по истории Сибири, в которых содержалось немало информации по истории русско-чукотских и русско-корякских отношений («Акты исторические», «Дополнения к актам историческим», «Северный архив», «Сборник Русского исторического общества», «Сенатский архив», «Памятники сибирской истории», «Полное собрание законов Российской империи» и др.).

Издание источников, а также обращение исследователей к архивам привело к публикации статей и книг, в которых специально или попутно рассматривалось присоединение крайнего северо-востока Сибири к России. Большой вклад в изучение темы, особенно в плане привлечения новых источников, внесли В. Н. Берх, А. Шаховской, Г. И. Спасский, П. А. Словцов, Н. С. Щукин, Н. А. Фирсов, Н. Матюнин, М. А. Красовский, В. Маргаритов, Н. В. Слюнин, Н. Н. Оглоблин. Особо стоит выделить исследования А. С. Сгибнева, который активно использовал документы из иркутского, охотского и камчатских архивов (в значительной части уже утраченных). В большой работе «Исторический очерк главнейших событий в Камчатке с 1650 по 1856 год»² и ряде статей³ он подробно в хронологической последовательности изложил историю Охотска и Камчатки, уделив при этом немало внимания походам землепроходцев и мореходов, основанию острогов, деятельности местной администрации, основным принципам правительственной политики, мерам по укреплению русских военных сил, вооруженным столкновениям с ительменами, коряками и отчасти с чукчами, а также постепенному установлению с ними мира. В частности, он первым из исследователей описал ход корякского восстания 1745–1757 гг.

В начале XX в. появились труды В. Г. Богораз-Тана и В. И. Иохельсона, ставшие крупной вехой в историко-этнографическом изучении народов крайнего северо-востока Сибири. Они стали результатом мно-

¹ См.: Харрис М. Происхождение войны // Война и геополитика. Новосибирск, 2003. С. 126.

² Сгибнев А. С. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке с 1650 по 1856 год // Морской сб. СПб., 1869. Т. 101. № 4; Т. 102. № 5, 6; Т. 103. № 7, 8.

³ Он же. Материалы для истории Камчатки. Экспедиция Шестакова // Морской сб. СПб., 1869. Т. 100. № 2; Он же. Охотский порт с 1649 по 1852 г. (Исторический очерк) // Морской сб. СПб., 1869. Т. 105. № 11.

голетних полевых исследований, проведенных авторами в данном регионе¹. Оба исследователя, давая этнографическое описание чукчей и коряков, сделали обзор их взаимоотношений с русскими, в том числе вооруженных столкновений в XVII–XVIII вв.

Уже в первые послереволюционные годы была опубликована серия исследований В. И. Огородникова, специально посвященная разработке проблем русско-аборигенных отношений в Сибири в XVII–XVIII в. В них, в частности, он подробно рассмотрел вооруженное сопротивление русским со стороны коряков в начале XVIII в.²

Все исследователи XVIII – начала XX в., несмотря на разницу в их общественно-политических взглядах (от явных государственников до сибирских областников), оценивали присоединение Сибири, в том числе и ее крайнего северо-востока, в рамках сформулированной Г. Ф. Миллером концепции «завоевания», подкрепленной авторитетом Н. М. Карамзина³. В объяснении причин сопротивления аборигенов русским общим местом было указание на пороки управления (в первую очередь ясачный режим), а также «грабежи» и «насилия», творимые местной администрацией и служилыми людьми. В связи с этим подчеркивался низкий моральный и культурный уровень русских землепроходцев, которые зачастую сравнивались с европейскими конкистадорами «Нового света». В то же время ряд исследователей указывал и другой комплекс причин – неразвитую «умственную культуру» самих аборигенов (Г. Ф. Миллер), их «дикость» и «ребяческую беззаботность» («дикий воюет от безделья») (П. А. Словцов), их стремление сохранить у себя «старинное устройство» (Н. А. Фирсов) и отстоять независимость (Н. Н. Фирсов, Д. Н. Садовников).

В первое двадцатилетие советской исторической науки, которая начала осваивать марксистскую методологию, продолжала безраздельно господствовать концепция завоевания Сибири. С одной стороны, она опиралась на вековую историографическую традицию, с другой – вполне соответствовала тогдашним идеологическим установкам на максимальное разоблачение царизма, его колониальной политики, а также «решительной борьбе с пережитками великорусского шовинизма». В сибиреведении концепция завоевания отразилась в работах С. В. Бахрушина, А. П. Окладникова, С. А. Токарева, М. О. Косвена и др.

В русле господствовавшей концепции изучалась и история крайнего северо-востока Сибири, в которой акцент делался на военный фактор и колониальную политику царизма. Самой яркой демонстрацией такого подхода стали работы С. Б. Окуня, который дал обзор «войн» русских с коряками и чукчами в XVII–XVIII вв., обращая особое внимание на «колониальное ограбление» этих народов⁴. В аналогичном ключе была сделана подборка документов в сборниках «Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в.» (1935) и «Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в.» (1936).

Оценка присоединения Сибири как «завоевания» наложила свой отпечаток и на этнографические исследования тех лет. Среди последних необходимо особо выделить кандидатскую диссертацию И. С. Вдовина на тему «История русско-чукотских отношений» (1941 г.), в которой значительное внимание уделено русско-чукотским контактам в XVII–XVIII вв. Эти контакты автор однозначно квалифицировал как «война».

Большое значение для изучения темы имело введение в научный оборот массива архивных документов, отражавших ход русского продвижения на крайний северо-восток Сибири и накопление исторических, этнографических и географических сведений об этом регионе в XVII – XVIII вв. (работы А. И. Андреева).

В конце 40-х – начале 50-х гг. в первую очередь по идеологическим соображениям (конструирование новоимперского дискурса, воспитание советского патриотизма, борьба с космополитизмом) произошло кардинальное изменение трактовки приведения нерусских народов под скипетр российских самодержцев⁵. Как следствие, в оценке «сибирского взятия» термин «завоевание» заменяется понятием «присоединение», которое включает в себя «явления различного порядка – от прямого завоевания до добровольного

¹ *Bogoras W. The Chukchee // Memoir of the American Museum of Natural History. Leiden; N.-Y., 1904–1910. Vol. VII–VIII*). Из них на русском языке с доработками автора были изданы три части: Чукчи. Ч. 1: Социальная организация (Л., 1934); Ч. 2: Религия (Л., 1939); Материальная культура чукчей (М., 1991); *Jochelson W. The Koryak // Memoir of the American Museum of Natural History. Leiden; N.-Y., 1905–1908. Vol. VI. P. 1–2; Иохельсон В. И. Коряки. Материальная культура и социальная организация. СПб., 1997.*

² *Огородников В.И. Очерк истории Сибири до начала XIX столетия. Ч. 2. Вып. 1. С. 43, 103; Он же. Русская государственная власть и сибирские инородцы в XVI–XVIII вв. С. 71, 109–112; Он же. Из истории инородческих волнений в Сибири // Вестн. просвещения. Журнал министерства просвещения. Чита, 1922. № 1. С. 1–20.*

³ *Горюшкин Л. М., Миненко Н. А. Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI – начало XX в.). Новосибирск, 1984. С. 20–25.*

⁴ *Окунь С. Б. Колониальная политика в Охотско-Камчатском крае в XVIII в. // Борьба классов. 1934. № 12; Он же. Очерки по истории колониальной политики царзма в Камчатском крае. Л., 1935.*

⁵ См.: *Российское многонациональное государство: формирование и пути исторического развития // История и историки. М., 1995. С. 7–10, 84–85; Бордюгов Г., Бухараев В. Национальная историческая мысль в условиях советского времени // Национальные истории в советском и постсоветских государствах. М., 1999. С. 37–49, 55–61.*

вхождения» (в трактовке В. И. Шункова¹). Затем, не отрицая в принципе «элементов завоевания», историки стали делать акцент на «мирном» и даже «добровольном вхождении» сибирских народов в состав России. В конечном счете в советской историографии к 1970-м гг. господствующие позиции заняла концепция преимущественно мирного и добровольного присоединения Сибири к России².

Указанная смена акцентов в трактовке присоединения оказала влияние и на изучении нашей темы. В 50–80-х гг. появилось большое количество работ, посвященных русским открытиям XVII–XVIII вв. на крайнем северо-востоке Сибири и в северной части Тихого океана (А. В. Ефимова, Д. М. Лебедева, М. И. Белова, А. И. Алексеева, В. А. Дивина и др.). Опираясь на большой массив архивных источников, исследователи детально изучили обстоятельства, направления и результаты походов землепроходцев XVII в. и экспедиций XVIII в. на северо-востоке Сибири, в основном восстановили хронологию событий, выявили места и даты основания русских поселений, определили пути сообщений, проследили процесс накопления знаний о новых землях и их картографирования, написали биографии выдающихся землепроходцев и мореходов. Наиболее подробно ряд сюжетов, имеющих отношение к нашей теме, рассматривали Б. П. Полевой, А. И. Алексеев, Л. А. Гольденберг, которые ввели в научный оборот значительное количество новых архивных документов. Особую ценность представляет труд Л. А. Гольденберга «Между двумя экспедициями Беринга» (Магадан, 1984), в котором детально рассмотрены подготовка и организация экспедиции Шестакова-Павлуцкого (1727–1729 гг.), а также уточнена хронология ее деятельности в начале 1730-х гг. и в 1740-х гг.

Благодаря данным работам можно получить представление о причинах и общем направлении российской экспансии на восток в указанный период. Однако в силу тематики своих исследований названные авторы не акцентировали внимание на взаимодействии землепроходцев с местным населением; военно-политическая канва событий ими не изучалась; военные мероприятия русских в регионе против «бунтующих иноземцев» или упоминались в связи с географическими открытиями, или, более того, преподносились как сугубо «научные» экспедиции.

Безусловно, положительным результатом повышенного внимания к географическим открытиям стала публикация в 1950–80-х гг. большого комплекса документов по этой теме³.

Историко-этнографическое направление в эти годы было представлено внушительным корпусом литературы, в которой рассматривались различные стороны материальной и духовной культуры народов крайнего северо-востока Сибири. Общий подход к проблеме присоединения нерусских народов к России также наложил существенный отпечаток на исследования этнографов. Они, однако, больше, чем историки, уделяли внимание взаимоотношениям русских и аборигенов, стремились показать их сложность и противоречивость, анализировали не только положительные, но и негативные последствия русского присутствия в регионе. Хотя заметно также, что в работах, опубликованных до конца 60-х гг. об этом говорилось более откровенно, чем в работах, изданных в 70-х – 80-х гг.

Наиболее существенный вклад в изучение темы внесли исследования И. С. Вдовина и И. С. Гурвича. И. С. Вдовин опубликовал ряд статей по истории и этнографии чукчей, а также по истории Анадырского острога. В монографии «Очерки истории и этнографии чукчей» (М.; Л., 1965) он в специальной главе рассмотрел «политику царизма» на Чукотке в XVII – первой половине XIX в. Не умалчивая о фактах вооруженных столкновений между русскими и чукчами, о длительном сопротивлении последних, И. С. Вдовин, однако, избегал подробностей при описании конфликтной стороны русско-чукотских контактов, останавливался на них бегло и поверхностно, зато более основательно рассмотрел процесс установления мирных отношений между русскими и чукчами. Исследователь изучал также этническую историю коряков. В посвященной этой теме специальной монографии⁴ он, сосредоточившись на этнографическом описании коряков, затронул и «политику самодержавия» по отношению к этому народу. В отличие от Вдовина, И. С. Гурвич в своей монографии «Этническая история Северо-Востока Сибири» (М., 1966) уделил больше внимания описанию военной стороны взаимоотношений русских с чукчами и коряками. Выводы и наблюдения обоих исследователей нашли отражение в коллективных трудах по истории и этнографии народов Сибири⁵.

Особую ценность для нашего исследования имели также работы В. В. Антроповой по военному делу

¹ Шунков В. И. Вопросы аграрной истории России. М., 1974. С. 210–211, 231.

² Горюшкин Л. М., Миненко Н. А. Историография Сибири... С. 31.

³ «Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на Северо-Востоке Азии» (1951), «Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах» (1957), «Русская тихоокеанская эпопея» (1979) «Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана» (1984, 1989).

⁴ Вдовин И. С. Очерки этнической истории коряков. Л., 1973.

⁵ История и культура чукчей: Ист.-этногр. очерки. Л., 1987. С. 45–50, 121–130; Общественный строй у народов Северной Сибири. XVII – начало XX в. М., 1970. С. 47; Этническая история народов Севера. М., 1982. С. 199–206, 210–213; Народы Дальнего Востока СССР в XVII–XX вв.: Ист.-этногр. очерки. М., 1985. С. 50–66.

народов северо-востока Сибири¹, И. И. Огрызко по межкультурному взаимовлиянию русских и аборигенов Камчатки², Б. О. Долгих по численности и расселению народов Сибири³, М. М. Федорова, В. А. Зибарева и В. Г. Марченко по правовому положению и юридическим обычаям народов Сибири⁴.

История освоения русскими крайнего северо-востока Сибири не являлась сколько-нибудь заметным направлением в историографии. Можно, пожалуй, назвать только исследования Ф. Г. Сафронова, специально посвященные этой теме. Из рассмотренных им вопросов для нас большое значение имели следующие: система местного управления; заселение региона русскими людьми; численность, дисклокация, условия службы, источники пополнения и материальное обеспечение служивых людей; история возникновения и развития отдельных городов и населенных пунктов (Охотска, Гижигинска); организация походов и ясачного сбора; коммуникации и их совершенствование; хлебоснабжение края; организация и развитие промыслов и торговли⁵.

В наиболее явном виде господствовавшая трактовка присоединения крайнего северо-востока Сибири отразилась в обобщающих трудах по истории Чукотки и Дальнего Востока⁶. В них ход присоединения представлен в виде мирного процесса, географических открытий и хозяйственного освоения территории русскими. В аналогичном духе написана и статья С. П. Нефедовой, которая, рассмотрев ясачную политику на Чукотке в XVII–XIX вв., даже высказала утверждение о «воссоединении народностей Севера с Россией»⁷.

С начала 1990-х гг. в историографии начался пересмотр концепции «преимущественно мирного и добровольного вхождения» народов в состав России. В исторической литературе, когда речь заходит о приобретении Россией в XVI–XIX вв. новых территорий, все чаще используются термины «завоевание», «колониальная политика», «экспансия».

В истории крайнего северо-востока Сибири внимание историков по-прежнему приковывают русские географические открытия и биографии известных землепроходцев, чему посвящено немало работ, вышедших за последние 15 лет (Б. П. Полевого, В. А. Тураева, Н. И. Никитина, Г. А. Леонтьевой, О. И. Сергеева, В. Н. Чернавской, С. И. Вахрина и др.). Равным образом заметное место в историографии занимают историко-этнографические исследования. В числе последних особо стоит выделить монографию А. К. Нефедкина, посвященную военному делу чукчей, в которой рассматриваются и факты русско-чукотских вооруженных столкновений⁸. А. Х. Элерт, обратившись к анализу материалов, собранных Г. Ф. Миллером, обнаружил среди них много интересных документов, существенно дополняющих сведения по истории русско-чукотских и русско-корякских отношений в первой четверти XVIII в.⁹ В постсоветский период были опубликованы и несколько обобщающих трудов по истории Сибири и ее северо-восточной окраины, в которых затрагивались интересующие нас проблемы¹⁰.

Несомненно положительным явлением современного сибиреведения стало более пристальное внима-

¹ Антропова В. В. Вопросы военной организации и военного дела у народов крайнего северо-востока Сибири // Сиб. этногр. сб. М., Л., 1957. Вып. 2.

² Огрызко И. И. Очерки истории сближения коренного и русского населения Камчатки (конец XVII – начало XX веков). Л., 1973.

³ Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960.

⁴ Федоров М. М. Правовое положение народов Восточной Сибири (XVI – начало XIX в.). Якутск, 1978; *Он же*. История правового положения народов Восточной Сибири в составе России. Иркутск, 1991. *Зибарев В. А.* Юстиция у малых народов Севера (XVII–XIX вв.). Томск, 1990. *Марченко В. Г.* Управление и суд у малых народов Сибири и Дальнего Востока в царской России: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1985.

⁵ Сафронов Ф. Г. Ссылка в Восточную Сибирь в XVII веке. Якутск, 1967; *Он же*. Русские промыслы и торги на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX в. М., 1980; *Он же*. Русские на Северо-Востоке Азии в XVII – середине XIX в. Управление, служилые люди, крестьяне, городское население. М., 1978; *Он же*. Тихоокеанские окна России: Из истории освоения русскими людьми побережий Охотского и Берингова морей, Сахалина и Курил. Хабаровск, 1988.

⁶ Очерки истории Чукотки с древнейших времен до наших дней. Новосибирск, 1974. С. 76–82, 88–94; История Чукотки с древнейших времен до наших дней. М., 1989. С. 67–86; История Дальнего СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февраль 1917 г.). М., 1991. С. 34–38.

⁷ Нефедова С. П. Ясачная политика русского царизма на Чукотке (XVIII–XIX века) // Зап. Чукот. краевед. музея. Магадан, 1967. Вып. 4.

⁸ Нефедкин А. К. Военное дело чукчей (середина XVII – начало XX в.) СПб., 2003.

⁹ Элерт А. Х. Народы Сибири в трудах Г. Ф. Миллера. Новосибирск, 1999. С. 45, 86–90, 98–106; *Он же*. Новые материалы по истории чукчей в первой половине XVIII в. // Изв. СО АН СССР. История, философия и филология. 1991. Вып. 3; *Он же*. Новые материалы по истории русско-корякских отношений в первой четверти XVIII в. // Русское общество и литература позднего феодализма. Новосибирск, 1996.

¹⁰ Очерки истории Приморья. Владивосток, 1996; Северо-Восток России с древнейших времен до наших дней: новые экскурсы в историю. Магадан, 1996; *Гоголев А. И.* История Якутии (Обзор исторических событий до начала XX в.). Якутск, 1999; Якутия. Хроника. Факты. События. 1632–1917 гг. / Сост. А. А. Калашников. Якутск, 2000; *Ципоруха М. И.* Покорение Сибири. От Ермака до Беринга. М., 2004.

ние к истории русско-аборигенных отношений периода присоединения Сибири. Особый интерес для нас с точки зрения новых подходов и оценок, постановки новых проблем имели работы Е. М. Главацкой, Е. П. Ковалышкиной, М. А. Демина, А. В. Головнева, Л. И. Шерстовой, Л. Р. Павлинской. Серьезный вклад в изучение темы сделал В. Н. Иванов, чья монография посвящена анализу и оценке событий, «сопровождавших многосторонний процесс открытия и “приобретения” Северо-Восточной Азии Русским государством в XVII в.»¹ Середина 90-х гг. была отмечена появлением нескольких статей, касающихся истории русско-чукотских отношений².

Оценивая развитие историографии конца XX – начала XXI в., надо отметить, что в ней наметилось стремление учесть сложность и противоречивость взаимоотношений русских и аборигенов Сибири в период ее присоединения к России, указывается, что нельзя приуменьшать масштабы русско-аборигенных конфликтов, а также степень сопротивления русским со стороны отдельных групп местного населения. В новейшей литературе обозначились три разных подхода к оценке характера присоединения Сибири к России. Одни исследователи возвращаются к трактовке присоединения, данной В. И. Шунковым, другие продолжают придерживаться концепции преимущественно мирного вхождения Сибири в состав России, третьи, наоборот, склоняются к тому, чтобы характеризовать присоединение Сибири или ее отдельных территорий как завоевание.

Свое влияние на работы историков и этнографов стали оказывать активно развивающиеся новые дисциплины – антропология, этнология, культурология, а также междисциплинарные подходы и направления. Обращаясь к их наработкам (в первую очередь в области кросскультурной коммуникации), исследователи-сибиреведы все чаще указывают на неизбежность конфликтов при первых встречах «носителей разных цивилизаций», на «неподготовленность» психологии аборигенов к первоначальным контактам с русскими. Но пока это только самые общие заявления, не подкрепленные специальным анализом обстоятельств, причин и факторов, породивших состояние конфликта.

Зарубежная историография при всех нюансах трактовки отдельных аспектов присоединения и освоения Сибири традиционно рассматривает эти процессы в рамках концепции «русской восточной экспансии», сформулированной еще во второй половине XIX в. английскими историками Т. Арткинсоном, Дж. Керзоном и А. Краузе. В соответствии с этой концепцией русское движение на восток однозначно оценивается как завоевание, связанное с преодолением упорного сопротивления коренных народов и их постоянными восстаниями, а «великие географические открытия» – как проявление «экспансии».

История присоединения к России крайнего северо-востока Сибири и взаимоотношений русских с местным населением нашла отражение практически во всех работах, посвященных русской восточной экспансии, а также в работах по истории русского освоения Северной Азии и взаимодействия русских с сибирскими аборигенами. Наибольшее внимание этим сюжетам уделяли американские и канадские исследователи в связи с изучением истории Аляски и русских географических открытий в северной акватории Тихого океана.

Но при общей оценке присоединения как экспансии и завоевания в зарубежном сибиреведении все же присутствуют разные подходы к трактовке соотношения военного и мирного факторов в ходе экспансии. Одни исследователи на первое место ставят военный характер колонизации и вооруженное покорение сибирских народов, считают, что вся колонизация Сибири – это масштабная военная кампания (Г. Бэнкрофт, Ф. Голдер, К. Грөппер, Дж. Форсис, У. Ликольн и др.). Другие указывают на сочетание русскими в деле покорения Сибири военных акций и мирных методов (А. Краузе, Р. Кернер, Ю. Семенов, Дж. Ланцев, Г. Хуттенбах, Р. Пирс, Дж. Гибсон, Ю. Слезкин, А. Каппелер и др.). Третьи в своих исследованиях и оценках акцентируют внимание на мирные формы взаимоотношений русских и коренных народов и не придают решающего значения военному завоеванию (С. Данн, Э. Данн).

Проведенный анализ историографии показал, что при всех несомненных достижениях, особенно в плане изучения географических открытий и этнографии чукчей и коряков, она не дает законченной картины развития русско-аборигенных отношений на крайнем северо-востоке Сибири в период его присоединения к России: далеко не полно прописана фактическая сторона событий; многие проблемы (в первую очередь в объяснении причин русско-аборигенных конфликтов) по существу только обозначены, но не развернуты в обстоятельный анализ; совершенно неизученной осталась такая важная проблема, как военное противостояние русских, чукчей и коряков, без чего невозможно реконструировать, понять и объяснить сам процесс присоединения; наконец, остается дискуссионным и нерешенным принципиальный вопрос – о характере присоединения данного региона к России.

¹ Иванов В. Н. Вхождение Северо-Востока Азии в состав Русского государства. Новосибирск, 1999.

² Кузьминых В. И. Неизвестная война. Чукотка 1649–1755 гг. // Материалы XXXII Междунар. науч. студ. конф. «Студент и научно-технический прогресс»: История. Новосибирск, 1994; *Он же*. Образ русского казака в фольклоре народов северо-восточной Сибири // Урало-сибирское казачество в панораме веков. Томск, 1994; Зуев В. Н. К вопросу об изучении так называемой «чукотской войны» (30–70-е гг. XVIII в.) // Русские первооткрыватели на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. (Ист.-археол. исследования). Владивосток, 1995. Т. 2; Бушнев Н. Конкистадор Чукотки // Русская Америка. Вологда. 1995. Вып. 6.

Цель и задачи исследования. Целью исследования является изучение и анализ характера, параметров и критериев присоединения крайнего северо-востока Сибири к России в XVII–XVIII вв. с акцентом на военно-политической (конфликтной) стороне русско-аборигенных отношений. Достижение этой цели определяется решением следующих основных задач: во-первых, максимально детально реконструировать ход событий и их причинно-следственные связи с упором на выявление всех наиболее значимых фактов русско-аборигенных контактов, как военных, так и мирных; во-вторых, рассмотреть причины и обстоятельства (географические, экономические, политические), которые определяли сначала русское движение на восток, а затем русские позиции в регионе; в-третьих, определить методы и средства, которые применяла русская власть при подчинении аборигенов и их земель, а также реакцию на это самих подчиняемых; в-четвертых, выявить и проанализировать те факторы, которые существенно повлияли на выработку государственной «аборигенной» политики и развитие русско-аборигенных отношений, в том числе комплекс причин, вызвавший длительное вооруженное противостояние русских с чукчами, эскимосами и коряками, а также условия, обеспечившие переход к миру и способствовавшие адаптации друг к другу русских и аборигенов; в-пятых, в контексте обозначенных выше факторов обратить особое внимание на «человеческое измерение» русско-аборигенных отношений, в том числе на ментальные установки и групповые стереотипы поведения как русских, так и аборигенов, без чего нельзя до конца понять ни природу русско-аборигенного конфликта, ни обстоятельства мирного сосуществования; в-шестых, выявить совокупность тех факторов, которые определяли ход и исход вооруженного противостояния, благодаря чему станут понятнее причины побед и поражений противостоящих сторон; в-седьмых, рассмотреть все вышеуказанные моменты в динамике и эволюции, выявив основные рубежные вехи и этапы.

Обзор источников. В основу исследования положен значительный комплекс архивных и опубликованных источников. Процесс первоначального присоединения региона во второй половине XVII – начале XVIII в. хорошо освещается по документам, отложившимся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА, ф. 214 – Сибирского приказа, ф. 1177 – Якутская приказная изба), а также в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской Академии наук (СПбФ ААН, ф. 21 – Портфели Миллера) и в архиве Санкт-Петербургского филиала Института российской истории (СПбФ ИРИ, Якутские акты). Весьма существенный массив этих документов был опубликован в XIX – XX вв. При изучении событий второй – третьей четверти XVIII в. мы опирались на архивные источники, хранящиеся в фондах РГАДА (ф. 7 – Преображенский приказ, Тайная канцелярия и Тайная экспедиция, ф. 24 – Сибирский приказ и управление Сибирью, ф. 214 – Сибирский приказ, ф. 199 – Портфели Миллера, ф. 248 – Сенат и его учреждения, ф. 263 – Пятый департамент Сената, ф. 415 – Сибирская губернская канцелярия, ф. 607 – Якутская воеводская канцелярия, ф. 1025 – Иркутская провинциальная канцелярия, ф. 1095 – Канцелярия Анадырской крепости, ф. 1096 – Канцелярия командира Гижигинкой крепости), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА, ф. 13 – Казачья экспедиция Военной коллегии, ф. 10917 – Анадырская крепость, ф. 14808 – Гижигинская крепость) и отчасти Архива СПбФ ИРИ (ф. 36 – фонд Воронцовых).

Существенным дополнением к документальной базе стали «описания», «записки», «предложения» участников различных экспедиций, обследовавших Охотоморье, Камчатку и Чукотку в XVIII в. Практически все они опубликованы. Из опубликованных источников мы также привлекли фольклорные материалы, собранные этнографами в конце XIX – XX в., и картографический материал – чертежи и карты второй половины XVII – XVIII вв.

Основной массив источников, использованных нами, относится к типу письменных исторических источников. Согласно принятой в источниковедении классификации их можно разделить на два рода – документальные и повествовательные (нарративные) и несколько видов. Документальные источники представлены законодательно-нормативными, актовыми, делопроизводственными, учетно-статистическими и картографическими.

Из нормативных актов, имеющих законодательный характер, нами использовались грамоты и указы, как именные (царские или императорские), так и изданные от имени монарха высшими правительственными учреждениями (Сибирским приказом, Сенатом). Данные акты нормировали порядок управления территориями и населением. Особый интерес для нас представляли грамоты и указы, регулирующие взаимоотношения с аборигенами и порядок ясачного сбора на северо-востоке Сибири. Отдельным видом законодательных актов являются «штатные расписания» регулярных и нерегулярных воинских контингентов, несущих службу на крайнем северо-востоке Сибири.

К законодательным актам тесно примыкают актовые источники, или акты. В нашем случае это жалованные грамоты или указы от имени монарха (который олицетворял государство) и присяги-шерты, оформлявшие отношения между русской и аборигенной сторонами, в том числе оговаривающие условия вступления в русское подданство отдельных групп (родов) аборигенного населения. Среди них, в частности, можно назвать именные указы Екатерины II о принятии в подданство коряков (1764 г.) и чукчей (1779 г.). Актовым источником является также договор о мире и подданстве, заключенный в Гижигинской крепости 4 марта 1778 г. Т. И. Шмалевым с чукотским тойоном Амулятом Хергынтовым.

Наибольшую ценность для нашего исследования представляла делопроизводственная (канцелярская)

документация, в составе которой выделяются распорядительная документация (административные распоряжения), отчетная документация, документы сношения равнозначных по статусу учреждений, протокольная документация, просительные документы.

Весь массив распорядительной документации представлен традиционными для того времени видами. В XVII – начале XVIII в. это грамоты, указы, наказы, памяти (наказные памяти). В XVIII в. при сохранении такого вида распорядительного документа как указ появляются приказы и ордера (имеющие распространение в военной среде и отличающиеся лаконичностью), а также инструкции (вместо наказов и памятей).

В архивных делах сохранилось большое количество указов разных центральных и местных сибирских инстанций, приказов и ордеров командного состава гарнизонов острогов и крепостей крайнего северо-востока Сибири и Анадырской партии, которые дают представление об основных принципах и механизме управления, о решении разных вопросов, в том числе касающихся состояния военных команд и гарнизонов, взаимодействия с «мирными» и «немирными» аборигенами, организации, задач и методов деятельности военных экспедиций по покорению коряков и чукчей.

Чрезвычайно ценными источниками, позволяющими понять цели и задачи, которые ставились властями перед исполнителями в деле присоединения новых земель и покорения новых народов, являются наказы, памяти и инструкции, исходящие от правительственных и административных инстанций разных уровней. Нами привлечен большой комплекс наказов якутским воеводам, приказчикам острогов и отдельным служилым людям по поиску еще неизвестных земель, строительству острогов и зимовий, объяснению местного населения, порядку управления подведомственной территорией и командования служилыми людьми. В XVIII в. аналогом наказов и памятей являлись инструкции, которые регламентировали обязанности должностных лиц. В плане организации и совершенствования административного и военного управления северо-восточным регионом, в том числе взаимоотношений с аборигенами, выделяются инструкции охотским командирам Г. Г. Скорнякову-Писареву и В. Шипилову, анадырским – И. С. Шмалеву и Ф. Плениснеру, камчатскому – М. К. Бему.

Отчетная документация представлена отписками, доношениями, рапортами, распросными речами, сказками, допросами. Мы выявили и привлекли к анализу огромный массив отписок, доношений и рапортов отдельных служилых людей, ясачных сборщиков, приказчиков и командиров острогов и крепостей, командиров Анадырской партии, начальствующего состава Первой и Второй Камчатских экспедиций, главных должностных лиц местного управления (якутского воеводы, иркутского вице-губернатора, губернатора и генерал-губернатора), местных канцелярий – Якутской воеводской, Охотского порта, Иркутской провинциальной (затем губернской) и Сибирской губернской, правительственных учреждений – Сибирского приказа, Адмиралтейской и Военной коллегий, Сената (последнего на имя монарха, так называемое «сенатское доношение»). Данная отчетная документация с разной степенью подробности освещает развитие взаимоотношений русских властей с аборигенами, ход и успехи их подчинения и объяснения, межэтнические отношения, систему управления, состояние гарнизонов и т. д., акцентируя внимание на наиболее важных с точки зрения составителей фактах и событиях. При этом, правда, надо иметь в виду, что составители документов дают собственную трактовку событий, их причин и следствий, а иногда даже сознательно их искажают или замалчивают в своих интересах.

Распросные речи, сказки, допросы (допросные речи), объявления, показания – документы, информация в которых записывалась с чьих-то слов в связи с каким-либо делом. Практика распросов была широко распространена в XVII–XVIII вв. Распросам подвергались очевидцы или участники событий – как русские, так и «иноземцы». Распросы затем включались в отписки и доношения в вышестоящие инстанции. Зачастую «распросные речи» (допросы) являлись частью судебно-следственного дела. Для нашего исследования данные источники оказались весьма полезны, так как в них, помимо информации о каких-либо событиях, отражалось видение и трактовка этих событий русской и аборигенной сторонами. Кроме того, нередко именно изложенные в распросных речах и сказках сведения являлись единственным источником информации для властей, а, соответственно, во многом предопределяли их кругозор, что нужно иметь в виду, рассматривая механизм принятия решений. Наконец, в этих документах содержатся такие детали событий, которые затем могли быть опущены в официальных документах.

Документы сношения равнозначных по статусу учреждений и должностных лиц – памяти, промемории, ведения, известия, сообщения, отношения – встречаются редко, поскольку управленческие структуры в регионе выстраивались в основном в иерархическом порядке.

Протокольная документация – протоколы и журналы заседаний, журналы (книги) входящих и исходящих документов – ценна тем, что дает возможность выяснить механизм выработки и принятия решений каким-либо учреждением. К протокольной документации, в частности, относятся протоколы и журналы заседаний Верховного тайного совета 1727 г., на которых обсуждался вопрос об организации экспедиции А. Ф. Шестакова; журналы заседаний и резолюций Сената за 1740–61 гг. и журналы (книги) входящих и исходящих документов Секретной экспедиции Сибирского приказа за 1744–63 гг., фиксирующие, в частности, рассмотрение дел по ситуации на крайнем северо-востоке Сибири и ходу покорения чукчей и коряков; журналы входящих и исходящих бумаг Анадырской канцелярии за 1750–60-е гг. и Гижигинской канцелярии за конец 1760-х – начало 1780-х гг., в которых фиксировалось рассмотрение и принятие решений по самым разным текущим вопросам

жизнедеятельности гарнизонов и взаимоотношениям с аборигенами.

Дополнением к вышеназванной делопроизводственной документации послужили просительные документы – челобитные, прошения, объявления, доношения, подаваемые разными лицами в государственные учреждения (но всегда на имя монарха). Эти документы зачастую содержат интересные и колоритные детали какого-либо события, однако, что уже является аксиоматичным в источниковедении, информация, содержащаяся в челобитных, требует настроженного к себе отношения и нуждается в обязательной проверке по другим источникам. Но одновременно их ценность для понимания менталитета самих участников событий – комбатантов и аборигенов – несомненна.

Разновидностью делопроизводственных источников выступают документы, связанные с подготовкой того или иного законодательного акта – проекты, записки, замечания, мнения, справки, экстракты отдельных лиц и учреждений, в которых обрисовывалась общая обстановка, существовавшая в регионе с акцентом на те проблемы, которые требовали решения, а также предлагались меры по исправлению «недостатков» (например, «предложения» В. Беринга 1730/31 гг., И. К. Кирилова 1731 г. и 1733, сибирского губернатора В. А. Мятлева 1753 г.; серия «доношений» и «записок» разных лиц о беспорядках и злоупотреблениях в управлении русским и аборигенным населением северо-восточной Сибири, «представление» анадырского командира Ф. Х. Плениснера 1763 г., и др.).

Еще одной разновидностью делопроизводственной документации является судебно-следственная документация. Она, как известно, источник во многих отношениях тенденциозный. Однако эта тенденциозность для нашего исследования представляет значительный интерес, поскольку благодаря ей можно выявить «умонастроения» как следователей, так и подсудимых. Особенно это важно в случае с допросами «иноземцев» – участников антирусской борьбы. Эти допросы, во-первых, помогают понять, как воспринимала ситуацию и события русская сторона. Во-вторых, они, хотя далеко не в полной мере, дают представление об отношении аборигенов к русской власти и позволяют выявить мотивы их поведения. Кроме того, данный вид источника зачастую является единственным первосвидетельством событий, которые затем уже более сжато и сухо излагались в официальных документах.

Существенную помощь в исследовании оказала учетная документация, включающая материалы фискального учета населения (ясачные книги, табели и ведомости о ясачных народах), учета военнослужащих (для XVII в. окладные книги жалованья и именные книги, для XVIII в. именные и сводные списки, ведомости, реестры, табели), финансовых и материальных средств (ведомости, реестры, арматурные списки), а также различных военных, административных и гражданских объектов (описи). Часть этой учетной документации выступает в чистом виде, часть принадлежит к делопроизводственным отчетным документам.

Вспомогательную роль, для локализации на местности происходившихся событий и соотнесения топонимов и гидронимов XVII–XVIII вв. с современными, играл картографический материал. Особую ценность имели экспликации и пояснения к картам, сделанные их составителями.

Повествовательные (нарративные) источники представлены известными страноведческими описаниями И. К. Кирилова, Г. В. Стеллера и С. П. Крашенинникова. Также активно привлекались разнообразные описания Охотоморья, Камчатки и Чукотки, содержащие сведения по географии, этнографии чукчей и коряков, материальному положению, быту и хозяйственным занятиям русского населения, состоянию русских поселений и коммуникаций, составленные в XVIII – начале XIX в. участниками разных экспедиций (Я. Линденау, Д. Лаптевым, Д. Коростелевым, К. Г. Мерком, И. Кибером) и должностными лицами (Ф. Х. Плениснером, Т. И. Шалевым, А. И. Брилем, Г. Курочкиным и др.). К этим описаниям примыкают «поденные журналы» и «дневники» путешествий членов упомянутых экспедиций (С. Вакселя, Ф. Елистратова, И. Кобелева, И. Биллинга, К. Мерка и др.). Характер дневников имеют «поденные журналы», составленные для фиксации каких-либо событий, в частности «поденный журнал» Н. И. Дауркина о разгроме чукчей под Гижигинском в 1775 г.

Промежуточное положение между нарративными и делопроизводственными источниками занимают описания, являвшиеся своего рода отчетами о выполнении порученных заданий и представлявшие образец повествовательного канцелярского творчества. В 1736 г. в ответ на анкету Г. Ф. Миллера появилась «Ведомость... из Иркутской провинциальной канцелярии о городе Якуцку и о присутствующих острогах и зимовьях и о Камчатке и о прочем». Помимо других сведений, в ней содержится нужная для нашей работы информация о коммуникациях и расстоянии между населенными пунктами, о «проведывании» Камчатки, о посылке туда приказчиков и служилых людей, об объяснении коряков и ительменов, «о торговле Камчатской», о состоянии северо-восточных острогов, их фортификации, численности служилых и ясачных людей.

Второй тип задействованных нами источников – фольклорные. Они были собраны и зафиксированы письменным способом в XIX–XX вв. Среди них наибольший интерес вызвали исторические предания и героические сказания чукчей, азиатских эскимосов и коряков. В них содержится информация, которая или вообще не встречается, или недостаточно освещена в других видах источников, – это свидетельства о стратегии и тактике ведения боя, об использовании различных видов оружия, о военной подготовке и т. д. Кроме того, в фольклоре, что очень важно, отразились оценка и осмысление событий народом, а это, в

свою очередь, дает материал для понимания мировоззрения и психологии палеоазиатов северо-восточной Сибири. Для получения представления о том, как оценивала и осмысливала события русская сторона, мы обратились к записям фольклора русского старожильческого населения низовьев Колымы, Индигирки и Анадыря.

Методология и методы исследования. Методологической основой диссертации послужили общенаучные принципы и методы, применяющиеся в современных гуманитарных науках: исторический и логический, восхождение от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному, системно-структурный, аналитический и синтетический, описательный и количественный, метод аналогии и др.¹ Базовым являлся исторический метод, или принцип исторического анализа (историзма), который задает познание исторических процессов и явлений в их возникновении, развитии и постоянном движении в связи с породившими их обстоятельствами.

Из конкретных методов исторического исследования, которые на сегодняшний день наиболее полно и подробно описаны в монографии ак. И. Д. Ковальченко², мы использовали историко-генетический, историко-системный и историко-сравнительный. Кроме собственно исторических методов, для нашего исследования весьма полезными оказались те методы, которые разрабатываются в этнологии, антропологии, психологии, культурологии, особенно в той их части, которая ориентирована на анализ межкультурной коммуникации и особенно конфликтной стороны человеческих взаимоотношений в историческом прошлом. В первую очередь это антропологический подход к истории, при котором изучение исторических событий и процессов ведется с акцентом на анализ деятельности и поведения конкретных людей и групповых сообществ (социумов разного таксономического уровня). При этом пристальное внимание обращается на комплексы ментальных представлений и стереотипы групповой психологии.

Антропологический подход особо актуален при изучении межкультурной коммуникации, поскольку здесь требуется расшифровка специфики мировидения людей определенной эпохи, культуры и социальной группы, раскрытие их «картины (модели, образа) мира», «стиля мышления» и «кодекса поведения», т. е. всего того, что в современной науке определяется как менталитет или ментальность³. Такой подход чрезвычайно важен при обращении к проблеме военного конфликта и войны. Он предполагает, что при изучении последних, помимо военно-технических, большое внимание должно уделяться психологическим, культурным и экологическим (природно-географическим) аспектам. В рамках особого исследовательского направления – антропологии войны, или военной (военно-исторической) антропологии (Л. Уайт, М. Мид, Б. Малиновский, М. Фрид, В. Шнирельман, Е. Сенявская и др.) – взгляд исследователей концентрируется на изучении «человеческого фактора» в войне, а при его анализе главное внимание обращается на «военный менталитет» – ментальные установки и стереотипы поведения комбатанта – «человека воюющего», которые, в свою очередь, определяются духовными ценностями и представлениями, традициями и обычаями того общества, членом которого является «человек воюющий»⁴.

Важными для нашего исследования стали идеи, высказанные антропологами и этологами (К. Лоренцом, Э. Вайдой и др.), о том, что человеческая агрессивность и войны выполняют важную адаптивную функцию, с помощью которой какой-либо социум (особенно это актуально для первобытных обществ) адаптируется к изменяющимся условиям своего существования, а изменение характера окружения социума ведет к изменению в нем соотношения воинственности и миролюбия⁵. Кроме того, весьма полезными для нашей работы стали наблюдения, сделанные в рамках военной антропологии применительно к первобытным обществам, по поводу причин, стадийности и типологии войн и вооруженных столкновений, а также сформулированные определения самих понятий «война» и «вооруженное столкновение», различные критерии их типологии – организационно-структурный, причинно-целевой, военно-технический⁶. Этим же целям и в целом определению подхода к изучению войны способствовало обращение к методологическим разработкам классической военной истории и теории в области законов и закономерностей войны и вооруженной борьбы.

Научная новизна диссертационного сочинения заключается в новаторском подходе к исследованию и анализу процесса присоединения к России сибирских народов. Во-первых, впервые на основе большого круга разнообразных источников и достижений историографии максимально подробно прослежен ход присоединения и русско-аборигенного взаимодействия в рамках отдельного региона. Во-вторых, при анализе взаимоотношений русских и аборигенов активно использованы междисциплинарные методы исследования, что позволило выйти на уровень понимания и объяснения мотивов поведения обеих взаимодействующих сторон. В-третьих, детальное рассмотрение хода военных действий и военного дела противо-

¹ См.: Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987. С. 26–41, 141–168.

² Там же. С. 168–191.

³ См.: Лурье С. В. Историческая этнология. М., 1997. С. 44–45.

⁴ Сенявская Е. С. Военно-историческая антропология – новая отрасль исторической науки // Отеч. история. 2002. № 4. С. 136.

⁵ См.: Война и мир в ранней истории человечества. М., 1994. Т. 1. С. 16, 29.

⁶ Там же. С. 25, 48–57.

борствующих сторон дало возможность наметить пути решения одного из самых загадочных вопросов истории присоединения Сибири, а именно – причин побед и поражений русских и аборигенов. В-четвертых, определены параметры и критерии, которые позволяют дать точную характеристику присоединения крайнего северо-востока Сибири к России и квалифицировать русско-аборигенные вооруженные столкновения. В-пятых, существенно дополнены, уточнены или пересмотрены выводы и наблюдения, имеющиеся в историографии, по истории и этнографии региона, а также по истории русско-аборигенных отношений.

Практическая значимость диссертации заключается в том, что разработанная автором методика исследования может быть применена к изучению процессов присоединения и анализу русско-аборигенных отношений в других сибирских регионах. Кроме того, материалы диссертации могут быть использованы в научных трудах и учебных пособиях по истории России и Сибири, военной истории, антропологии и этнологии, при создании справочно-библиографических и энциклопедических изданий. Полученные результаты представляют интерес для разработки регионального компонента образовательных программ исторического профиля в высших и средних учебных заведениях Сибири. Обращение к истокам контактов русского и аборигенного населения края, анализ, наблюдения и выводы, сделанные в работе, могут быть полезны при разработке практических рекомендаций в сфере современных межэтнических отношений.

Апробация работы. Основные положения диссертации излагались на конференциях различного уровня, проходивших в Новосибирске, Томске, Барнауле, Якутске, Санкт-Петербурге. По теме работы опубликованы монография и серия статей в центральных и местных изданиях. Результаты исследования нашли отражение в учебных пособиях для средней школы.

Структура работы определялась ее целью и задачами, а также методологическими подходами. В основу исследования положен хронологически-проблемный подход, который позволяет сначала восстановить внешнюю канву событий в их последовательности, а затем провести анализ внутреннего содержания самих событий. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, приложений, списка источников и литературы, списка сокращений.

II. Основное содержание диссертации

Во введении обосновываются научная значимость и актуальность темы, определяются предмет, объект, цель, задачи, хронологические и территориальные рамки исследования, дается историографический обзор и характеристика источников, формулируются методологические подходы и методы исследования, обозначаются научная новизна и практическая значимость полученных результатов.

В первой главе «Начало присоединения крайнего северо-востока Сибири к России и взаимоотношения русских с коряками и чукчами (вторая половина XVII – первая четверть XVIII века)» дается обзор этнической ситуации в регионе и уровня социально-экономического развития северо-восточных палеоазиатов, выясняются причины русского движения на крайний северо-восток Сибири и характер первых русско-аборигенных контактов.

К моменту появления русских чукчи, азиатские эскимосы и коряки по уровню своего социально-экономического развития находились на стадии первобытного общества и каменного века. По местам обитания и диалектам языка каждый из этих народов подразделялся на несколько диалектных групп, а по типу хозяйствования – на кочевых (оленных) и оседлых (морских зверобоев). Чукчи образовывали две территориальные группы – на Чукотском полуострове (2 тыс. человек) и в низовьях рек Алазеи и Колымы (400 человек). В первой четверти XVIII в. колымско-алазейские чукчи бесследно исчезли в результате то ли эпидемии оспы, то ли вооруженных столкновений с соседними этносами и русскими. Эскимосы, занимающая побережье Чукотского полуострова, составляли четыре территориально-диалектные группы: унаигмит, нывукахмит, сигиньгмит и уэленцы (4 тыс.). Коряки делились на несколько территориальных групп, которых русские именовали по местам их обитания, как правило, по названию рек: апукинцы, алюторы, хатырцы (кереки), карагинцы (или укинцы), паланцы, пенжинские, гижигинские, ямские, туманские, сигланские, таватумские, тайгоносские и др. Они занимали северную половину Камчатки, северную часть Охотского побережья и побережье Берингова моря до р. Анадырь. Их численность на рубеже XVII–XVIII вв. исследователи ориентировочно определяют в 7–13 тыс. человек.

Основной социальной и производственной ячейкой у данных народов являлись семьи и кланы (общины из нескольких семей). Более крупные социальные образования – поселки у оседлых зверобоев и стойбища у оленеводов – были автономны, неустойчивы и при определенных условиях могли распасться. Социальной стратификации и стабильных потестарно-политических органов управления не существовало, а функции «управленцев» выполняли старейшины-бигмены («лучшие мужики», князцы, тойоны, в русской терминологии), чьи авторитет и власть базировались на личных деловых, физических и нравственных качествах, организаторских и военных способностях, а также на богатстве. Чукотский, эскимосский и корякский социумы изучаемого времени соответствовали стадии первобытного общества на этапе его самого начального перехода от «ранжированного общества» к «стратифицированному обществу» (по классификации американского антрополога М. Фрида), когда только начался процесс институционализации социальных статусов. На этом этапе их общества представляли собой аморфную, не имевшую четких струк-

турных границ и никаких формальных органов управления, принуждения и контроля совокупность сегментов различных таксономических уровней (семья, семейная община-клан, объединение кланов). Эти сегменты объединялись отношениями реального или фиктивного родства, имели единую территорию обитания, общие хозяйственные интересы, общее название, собственный диалект, однако еще не доросли до уровня рода и племени. Мозаичная картина социально-потестарной структуры чукотского, эскимосского и корякского обществ дополнялась сложными внутриэтническими и межэтническими отношениями, достигшими стадии вооруженных столкновений.

Особо стоит отметить, что русские, контактировавшие с народами крайнего северо-востока Сибири в XVII–XVIII вв., совершенно не выделяли азиатских эскимосов как особый народ, считая их чукчами. Соответственно, исследователям – этнографам и историкам – практически невозможно понять, когда в документах речь идет о чукчах, а когда – об эскимосах. В связи с этим в отношении всего населения Чукотского полуострова мы употребляем этноним «чукчи», обозначающий не только собственно чукчей, но и азиатских эскимосов.

Продвижение русской колонизации в данный регион в середине – второй половине XVII в. явилось естественным продолжением процесса расширения владений России. Основной побудительной причиной русского движения на северо-восток выступало стремление к приобретению материальных ценностей – пушнины, моржовой кости, драгоценных металлов и камней. В этом стремлении тесно переплетались государственные и частные интересы, подчас последние казались даже главной движущей силой. Но при всей активности и самостоятельности деятельность землепроходцев (в первую очередь походы в поисках новых «землиц» и объясачивание аборигенов) соответствовала общим правительственным установкам и инициировалась ими.

Присоединение крайнего северо-востока Сибири и подчинение обитавших там коряков, чукчей (и азиатских эскимосов) осуществлялось на основе уже апробированной ранее на остальной территории Сибири правительственной установки, стержнем которой являлся принцип взаимодействия с аборигенами «ласкою, а не жесточью». Однако этот принцип не исключал применение к сопротивлявшимся насилия: в том случае, когда «иноземцы» отказывались идти в ясачный платеж, разрешалось приводить их к покорности вооруженным путем.

В середине – второй половине XVII в. (до 1690-х гг.) русские, с одной стороны, коряки и чукчи, с другой, только знакомились друг с другом. Их контакты, в основном в результате походов землепроходцев, были спорадическими, но уже с самого начала стали развиваться по военному сценарию. Какого-либо определенного плана в действиях русских не просматривается, в своих походах они стремились охватить как можно большую территорию и объясачить как можно больше «иноземцев». Именно поэтому вооруженные столкновения отмечены почти со всеми территориальными группами, с которыми русские вступали в контакты. Сопротивление же коряков и чукчей являлось непосредственной реакцией на объясачивание. Наиболее жесткое противоборство в эти годы наблюдалось между русскими и колымско-алазейскими чукчами. Опорными базами русских землепроходцев стали Анадырский, Алазейский, Нижнеколымский и Охотский остроги, основанные в 1640-х гг.

1690-е – 1715 гг. отмечены эскалацией вооруженного противоборства. Анадырский гарнизон предпринимает целенаправленные усилия по объясачиванию чукчей. Начавшееся присоединение Камчатки влечет за собой систематические походы русских через корякскую территорию и учащение русско-корякских контактов. Обитавшие на севере полуострова и прилегающих территориях коряки, прежде всего пенжинцы и алюторы, осуществляют нападения на русские отряды. Русские, в свою очередь, главные удары направляют в районы рек Пенжина и Олютора, стремясь обезопасить и поставить под свой контроль сухопутное сообщение с Камчаткой. С этой целью они воздвигают остроги Пенжинский и Архангельский Олюторский (первый прекратил свое существование к концу 1710-х гг., второй был уничтожен коряками в 1715 г.), а также на южной границе расселения охотоморских коряков – Ямской и Тауйский.

С 1716 по 1730 г. вооруженные столкновения почти полностью прекращаются, поскольку русская сторона резко снижает свои усилия по объясачиванию чукчей и коряков. На Чукотку военных походов русские не совершают, в связи с открытием морского сообщения с Камчаткой из Охотска они прекращают передвижение по корякской территории, по крайней мере крупными партиями.

К концу первой четверти XVIII в. подчинение чукчей и коряков было далеко от завершения. Чукчи оставались непокоренными и вне сферы какого-либо воздействия на них русской системы управления, ясак брался только с их отдельных групп и очень редко, от случая к случаю. Недостигаемым для русской власти оставался и Чукотский полуостров. Лишь территория расселения колымско-алазейских чукчей к концу первой четверти XVIII в. могла уже считаться присоединенной, поскольку ее защитники – сами чукчи, – как отмечалось выше, исчезли, предоставив свою землю в распоряжение русских.

Ситуация с коряками была более противоречивой. Несмотря на то, что в конце XVII – первой четверти XVIII в. многие их территориальные группы в отдельные годы фигурировали среди ясачноплательщиков, к концу данного периода процесс их объясачивания был незавершен. Ясачное состояние было крайне нестабильным, ясак вносился нерегулярно, в незначительном и произвольном размере, а часть коряков (возможно, значительная) вообще его не платили. Это обстоятельство, а также характер русско-корякских от-

ношений и отсутствие на корякской земле русских опорных баз позволяют говорить о том, что присоединение коряков и их территории еще не было закончено. Причем самая восточная группа коряков – керекки – вообще оставалась недосыгаемой. Правда, в отличие от чукчей, среди коряков появляются территориальные группы, отдельные стойбища и поселения, которые вступают в мирное взаимодействие с русскими: участвуют в их походах, обращаются к ним за военной помощью, выступают в роли информаторов (в том числе об «измене» «немирных» коряков), обеспечивают коммуникацию. Тем самым они включаются в русскую систему управления и превращаются в агентов русского влияния.

Вторая глава «Организация экспедиции А. Ф. Шестакова–Д. И. Павлуцкого и военные действия в 1730-х годах» посвящена анализу развития военно-политической ситуации и правительственным мерам, направленным на укрепление русских позиций в регионе в указанные годы. В конце 1720-х гг. российское правительство решило активизировать усилия по подчинению народов и земель на крайнем северо-востоке Сибири, с этой целью в 1727 г. была создана специальная военная экспедиция, названная позднее Анадырской партией. Ее инициатором выступил якутский казачий голова А. Ф. Шестаков, планы которого были восприняты правительством и стали реализовываться благодаря тому, что полностью совпали с геополитическими устремлениями российского руководства в отношении северной акватории Тихого океана. Новоявленная империя стремилась закрепить и расширить здесь свои позиции в целях увеличения доходов казны путем развития торговых связей с Японией, Китаем, американскими колониями Испании, поиска и добычи полезных ископаемых и пушнины, а также овладения морскими путями и контроля над ними. Численность экспедиции (до 400 военнослужащих), ее материальное обеспечение, задачи и планируемый район действий говорят о том, что правительство придавало ей большое значение. Экспедиция, подчинив еще «немирных иноземцев» на крайнем северо-востоке Сибири, должна была обеспечить тыл и базу для русского продвижения в Северную Америку, поиск пути к которой являлся одной из задач Второй Камчатской экспедиции. Совпадение сроков деятельности двух экспедиций – не случайность, они являлись составными звеньями российской политики в северной части тихоокеанского бассейна.

Предшествующий опыт присоединения Сибири предполагал, что в подчинении коряков и чукчей будет использован «классический» метод сочетания мирных и силовых мер с преобладанием первых. Такая установка давалась в правительственных указах конца 1720-х – начала 30-х гг. При этом подготовка экспедиции показывает, что правительство имело очень слабое представление как о будущем районе действия экспедиции, так и о народах, которые ей предстояло покорить. Как следствие, не предусматривалось никакой специфики в подчинении указанных народов по сравнению с другими сибирскими аборигенами. Сенаторы считали, что и новые земли на тихоокеанском побережье «к содержанию и владению под российской державою не трудныя, но таковыя, каковы во всей Сибири в подданстве обретаются»¹.

Осуществление на практике задачи подчинения еще неясных народов привело к возобладанию силовых методов над мирными. Руководители экспедиции А. Шестаков и армейский капитан Д. И. Павлуцкий не отличались терпением и умением вести переговоры с «немирными иноземцами», предпочитая дипломатии грубую силу. Походы Шестакова из Охотска на север вдоль Охотского побережья в 1729–1730 гг. и Павлуцкого из Анадырска на Чукотку в 1731 и 1732 гг. и в район Пенжинской губы в 1732 г. вызвали активное вооруженное противодействие коряков и чукчей.

В 1730 г. боевые действия против русских открыли коряки с рек Яма, Иреть, Сиглан, Парень, Олютора и полуострова Тайгонос. Они уничтожили несколько русских отрядов, сожгли Ямской острог и вынудили казаков покинуть только что, в 1732 г., построенный Олюторский острог, напали на ясачных коряков и юкагиров. Под угрозой оказалось сухопутное сообщение с Камчаткой. Чукчи в марте 1730 г. на р. Егаче (впадающей в северную оконечность Пенжинской губы) наголову разгромили отряд Шестакова, а в 1731 г. дали три крупных сражения партии Павлуцкого, совершавшей поход по Чукотке. Летом 1731 г. произошло восстание ительменов, охватившее почти всю южную половину Камчатки (оно было подавлено в 1732 г.). В результате, вместо «умиротворения», экспедиция вызвала эскалацию напряженности от Камчатки до Чукотки.

Активизация усилий по подчинению «немирных иноземцев», а также организация Второй Камчатской экспедиции дали толчок к принятию правительством комплекса мер, направленных на укрепление русских позиций в регионе. В 1731 г. для повышения оперативности и эффективности управления было создано Охотское правление, в ведение которого отдавалась территория, включавшая побережье Охотского моря, Камчатку, Анадырский край и все «тамошние северные земли». Появились правительственные распоряжения по наведению порядка в ясачном сборе и пресечению массовых злоупотреблений местной администрации, что должно было способствовать урегулированию русско-аборигенных отношений. В целях интеграции аборигенов в российский социум началась их массовая христианизация, охватившая в 1730-е гг. Камчатку. Одновременно было обращено внимание на экономическое освоение региона (прежде всего развитие в Охотско-Камчатском крае земледелия путем перевода сюда крестьян) и улучшение коммуникации.

В третьей главе «Стратегия и тактика русских властей в 1740-х – 1750-х годах. Ход боевых действий» рассматриваются ход военных действий на Охотском побережье, Камчатке и Чукотке, стратегия и тактика

¹ РГАДА, ф. 248, оп. 12, кн. 666, л. 60б.

русских по подавлению сопротивления коряков и чукчей. Изложенный в данной главе материал показывает, что 40-е – начало 50-х гг. ознаменовались резким обострением русско-чукотских и русско-корякских отношений, которые вылились в систематические военные действия.

В 1737–41 гг. чукчи осуществили несколько грабительских набегов на оленных юкагиров и коряков. Эти набеги непосредственно затрагивали русские интересы в регионе, поскольку разгрому подвергались ясачные, что наносило ущерб казне и подрывало авторитет русской власти, которая оказалась не в состоянии защитить своих подданных. В 1742 г. после обсуждения ситуации на северо-восточной окраине империи Сенат, по предложению иркутского вице-губернатора Л. Ланга, предписал местным властям «на оных немирных чукч военною оружейною рукою наступить и искоренить вовсе», а сдавшихся и захваченных в плен увести с полуострова и расселить по Якутии¹. Претворение в жизнь этих намерений вновь поручалось Д. Павлуцкому и Анадырской партии.

В 1744–46 гг. Анадырская партия при поддержке ясачных коряков и юкагиров совершила три похода (вглубь Чукотского полуострова, вниз по р. Анадырь и к Чаунской губе). Чукчи, наученные опытом военных столкновений начала 30-х гг., избегали открытых фронтальных сражений с крупными силами русских, но по-прежнему отказывались идти в подданство. В марте 1747 г. в ходе очередного набега на анадырских оленных коряков им удалось разгромить небольшой русский отряд (в этом бою погиб Павлуцкий), после чего военная активность Анадырской партии стала постепенно снижаться. Ее походы в начале 50-х гг. против чукчей лишь условно можно считать военными действиями, по сути же, они являлись промысловыми экспедициями на Анадырь, проводимыми в целях заготовки провианта – рыбы и оленей. Со своей стороны и чукчи не стремятся к конфронтации с русскими.

В 1745 г. началось восстание коряков, которые, пытаясь согласовать свои действия, наносят регулярные и весьма ощутимые удары по русским, стремясь вытеснить их со своей земли. Пик восстания пришелся на конец 40-х – начало 50-х гг., когда в него были вовлечены почти все территориальные группы коряков, а главным районом стал север Охотского побережья. В эти годы, по предложению Павлуцкого, охотского командира А. Зыбина и Л. Ланга, правительство и в отношении «бунтующих» коряков делает ставку на их поголовное истребление. Таким образом, прежняя официально декларируемая установка на мирные методы взаимодействия с аборигенами, даже неясачными и немирными, сменилась откровенно силовыми методами подчинения. Подобный подход резко выделялся на общем фоне сохранявшегося традиционного способа взаимодействия власти с сибирскими аборигенами и уже шедшего процесса их интеграции в имперскую систему управления и российский социум². «Смена вех» в подходе к разрешению чукотской и корякской проблемы определялась развитием ситуации в регионе, когда все чукчи и значительная часть коряков упорно не принимали российское подданство, оказывая вооруженное сопротивление. Следствием этого стало формирование к концу 40-х гг. у русских властей и комбатантов взгляда на коряков и чукчей как на «закоренелых злодеев», которым «по их азиатскому непостоянству» верить нельзя, а, соответственно, в отношении их допустимо и даже необходимо силовое давление.

Руководствуясь правительственными установками, русские против коряков действуют гораздо энергичнее, чем против чукчей. Это было обусловлено следующими факторами. Во-первых, овладение корякской «землицей» было важно со стратегической точки зрения, поскольку она территориально располагалась в центре русских владений, которые условно представляли собой треугольник с вершинами в Охотске, Анадырке и Камчатке, соответственно, выход коряков из подчинения нарушал сухопутную коммуникацию между тремя названными пунктами, что резко ослабляло русские позиции в данном районе. Во-вторых, в связи со своим «центральным» положением корякская территория находилась внутри русских владений и уже в силу этого должна была находиться в полном подчинении. Наконец, наличие опорных пунктов – Анадырского, Ямского и камчатских острогов – по границам корякской земли облегчало ведение активных наступательных действий. Благодаря тому, что коряки, несмотря на их попытки объединения и координации усилий, выступали все равно разрозненно и разновремененно, а часть коряков поддерживала русских, карательным отрядам из Анадырска, Охотска и с Камчатки удалось к середине 50-х гг. подавить основные очаги восстания и даже укрепиться в центре территории главных «бунтовщиков», построив там Гижигинскую крепость.

Анализ хода военных действий, обсуждения и принятия решений разными инстанциями показывает, что мероприятия властей в отношении «бунтующих» чукчей и коряков являлись непосредственной реакцией на развитие конкретной ситуации, но не были результатом последовательного выполнения какого-либо стратегического плана. Во многом это было связано с тем, что о самом противнике не только цен-

¹ РГАДА, ф. 248, оп. 113, л. 150; Сенатский архив. СПб., 1892. Т. 5. С. 325, 326.

² Правда, на общем фоне тогдашней российской «аборигенной» политики чукчи и коряки не были одиноки среди тех народов, которых не устраивало их положение в составе Российской империи. Известно, что в отношении башкир, которые в 1730-е гг. подняли очередное антирусское восстание, правительство также предприняло беспрецедентные меры, взяв курс на его кровавое подавление, на поголовное истребление и выселение из края повстанцев и их семей (См.: Акманов И. Г. Башкирские восстания XVII – первой трети XVIII в. Уфа, 1978. С. 77).

тральные, но даже местные власти имели весьма смутное представление. Тактические мероприятия по подчинению чукчей и коряков велись исключительно из расчета на силовые методы – наращивание в регионе военных сил и строительство там опорных пунктов. В выработке конкретных мер главную роль играли иркутский вице-губернатор (Л. Ланг) и командир Охотского порта (А. Зыбин), их предложения лишь отчасти корректировались вышестоящими инстанциями – Сибирской губернской канцелярией, Сибирским приказом, Военной коллегией и Сенатом.

В **четвертой главе** «Установление мирных отношений с чукчами и коряками во второй половине XVIII века» речь идет о развитии военно-политической ситуации в регионе с конца 1750-х гг. до конца XVIII в.

Со второй половины 50-х гг. российское правительство решительно отрицает военные акции в отношении чукчей и коряков, сделав ставку исключительно на мирные переговоры. Этот очередной поворот был вызван рядом обстоятельств. Во-первых, на содержание гарнизонов северо-восточных острогов и ведение военных действий ушли значительные материальные и людские ресурсы (только на Анадырскую партию с 1727 по 1763 г. – 1 млн 381 тыс. руб.), тогда как доходы от ясачного и других сборов были просто мизерными (по Анадырскому ведомству за указанные годы всего 29 152 руб. 54 коп.). Получалось, что главная цель организации партии – покорение новых земель и народов ради пополнения казны – не только не была достигнута, но, наоборот, расходы колоссально превосходили доходы. Во-вторых, Анадырская партия не выполнила своей главной задачи – чукчи и Чукотский полуостров остались непокоренными. К середине 50-х гг. стало очевидно, что в отношении чукчей военные усилия русских не дают требуемого эффекта. В-третьих, в ходе активного наступления на коряков во второй половине 40-х – первой половине 50-х гг. удалось не только нанести им поражение, существенно подорвав их военный потенциал, но и обосноваться на коряжской территории, построив там ряд крепостей, позволявших держать окрестное население под более бдительным контролем. В результате, коряки, потерявшие в многолетней борьбы более половины своих соплеменников и многие укрепленные поселения, разрушенные русскими, к концу 50-х гг. полностью прекратили сопротивление и стали признавать свое подданство русской власти. К этому их подтолкнули и грабительские набеги чукчей, защиту от которых они пытались найти у русских. Таким образом, в отношении коряков установка на силовые методы выполнила свое предназначение, но вместе с тем потеряла свою актуальность. В-четвертых, к этому времени вполне обозначилась смена вектора русского движения на восток. Если до середины XVIII в. Чукотка рассматривалась как один из плацдармов расширения российских владений на территорию Северной Америки, то после плаваний в 40-х гг. русских промышленников к Аляске вдоль Алеутских островов она потеряла этот стратегический статус. В-пятых, к началу 60-х гг. в первую очередь благодаря усилиям анадырского командира Ф. Х. Плениснера в распоряжении правительства наконец-то оказались первые описания Чукотки и чукчей, из которых стало ясно, что ожидать от последних прибыли в казну совершенно бессмысленно, поскольку «Чукоцкую землю... можно назвать последней и беднейшей всего земного круга в последнем лежащую»¹.

В 1763 г. Плениснер предложил упразднить Анадырскую партию и Анадырский острог и сократить численность вооруженных сил на крайнем северо-востоке Сибири. Это предложение было поддержано бывшим сибирским губернатором Ф. И. Соймоновым и Сенатом. В 1764 г. сначала Сенат, а затем Екатерина II «повелеть соизволили: состоящую в Сибири Анадырскую экспедицию... отменить и имеющуюся в Анадырске команду всю вывести оттуда...»². В 1765 г. из Анадырска начался вывод гарнизона и гражданского населения (в Гижигинскую и Нижнеколымскую крепости). Он закончился к 1771 г., когда крепостные и все прочие постройки в Анадырске были разрушены.

Начиная с 60-х гг. русско-аборигенное вооруженное противостояние в регионе сменяется мирным взаимодействием. С этого времени не отмечено уже ни одного случая серьезного военного столкновения русских с коряками, которые включаются в систему регулярного ясачного обложения. Русская власть изменила свои подходы к взаимоотношению с ними – отказалась от взятия аманатов, силового принуждения к уплате ясака, передала его сбор в основном в руки «родовых» старейшин. В 1764 г. императорским указом было объявлено о приеме коряков в российское подданство.

Отношения с чукчами также выстраивались по мирному пути. Более того, их отдельные группы сами проявляли инициативу в установлении контактов с русскими для торговли и даже стали вносить ясак в обмен на подарки. Начавшиеся еще в середине 50-х гг. русско-чукотские переговоры о мире и вхождении чукчей в российское подданство стали обычной практикой во второй половине XVIII в., проходя сначала на Анадыре, затем в Гижигинской крепости, а в конце века – на р. Анюй. В 70-х гг., ввиду усиления внимания Англии и Франции к северной части Тихого океана, российское правительство активизировало усилия по подчинению Чукотки. В 1776 г. Екатерина II указала иркутскому генерал-губернатору приложить все усилия для принятия в подданство чукчей. Для исполнения этой задачи в 1778 г. армейский капитан Т. И. Шмалев при помощи крещеного чукчи Н. И. Дауркина заключил в Гижигинской крепости первый письменный договор с одним из чукотских тойонов – Омулятом Хергынтовым. Хотя этот договор имел

¹ РГАДА, ф. 199, оп. 2, № 528, ч. 2, д. 4, л. 3об.

² Там же, л. 43.

локальный характер, поскольку распространялся только на те чукотские стойбища, которые признавали власть Оммулята, Шмалева, а с его подачи и правительство расценили данное событие как признание подданства всеми чукчами. В результате в 1779 г. Екатерина II официально объявила чукчей подданными Российской империи, хотя и после этого ясак чукчи давали только по собственному желанию и только в обмен на подарки.

В 1780-90-х гг. русские власти предприняли меры по политико-правовому закреплению чукчей и Чукотки в составе России, проводя ее географическое обследование, устанавливая на ее территории российские гербы и выдавая чукотским тойонам особые «знаки» (медали, кортики, мундиры). Все это должно было символизировать, особенно ввиду возможного появления у берегов Чукотки иностранных судов, принадлежность как Чукотки, так и чукчей к Российской империи. Как важнейшее средство поддержания с чукчами добрососедских отношений и их привлечения в подданство рассматривалась торговля с ними, которая с конца XVIII в. стала постоянной.

Одновременно с урегулированием отношений с чукчами и коряками русская власть с середины XVIII в. пытается реконструировать управление ими, что в целом соответствовало общей правительственной политике по интеграции сибирских аборигенов в российский социум, в том числе их властных структур – в имперскую систему управления. У коряков пытаются упорядочить и структурировать иерархию «родоначальников», из фискальных соображений вводят у них формальное деление на роды. У чукчей путем официального признания только отдельных «родоначальников» тойонами и главными тойонами (из числа тех, кто изъявлял желание принять подданство) также стремятся создать стабильные институты власти, рассчитывая через них управлять чукотским обществом. Все эти попытки администрирования потестарно-политической организации чукчей и коряков, равно как и их подданство, далеко не в полной мере воплотились в жизнь. Но, несмотря на это, русской власти удалось достичь главного – в регионе установился мир как между русскими и аборигенами, так и между чукчами и коряками.

Пятая глава «Причины затяжной войны и установления мирных отношений» рассматривает военное дело русских, коряков и чукчей, географо-экономические факторы, влиявшие на развитие военно-политической ситуации в регионе, а также комплекс ментальных установок и представлений участников вооруженного противоборства.

Проведенный анализ причин противостояния русских и аборигенов (чукчей и коряков) позволил выделить несколько конфликтогенных факторов, связанных с явными и латентными (скрытыми) объективными и субъективными обстоятельствами.

1. *Конфликт культурно-психологических стереотипов*, который был неизбежным следствием встречи представителей двух совершенно разных культур, психологий, ментальностей, стереотипов мировосприятия. С одной стороны, русские, действовавшие в регионе, были поставлены в условия, детерминировавшие их агрессивное поведение. Правительственные предписания требовали от них осуществления безусловного подчинения аборигенов, вплоть до силовых методов, что уже неизбежно вызывало насилие. На это накладывались как объективные обстоятельства – потребности русских «конкистадоров» в средствах жизнеобеспечения, так и их субъективное стремление к получению максимальных материальных выгод, а то и другое добывалось у аборигенов, в том числе путем прямого ограбления. Вдобавок контингент русских комбатантов, от начальствующего состава до рядовых, в подавляющем большинстве по своему менталитету отличался низким культурным и моральным уровнем, а также склонностью к девиантному поведению, выходящему за рамки морально-нравственных и правовых представлений даже своего времени. Психологически эти люди были готовы и привычны к насильственным действиям. Кроме того, русские не имели или в лучшем случае имели слабое представление о культурно-психологических установках аборигенов.

С другой стороны, коряки и чукчи в соответствии со своим образом жизни и мировосприятием во всех их составляющих компонентах были не готовы к конструктивному диалогу с русскими. Последние с самого начала и долгое время однозначно квалифицировались как «чужие»-враги, что вызывало соответствующее враждебное к ним отношение. Появление русских нарушило привычный для аборигенов миропорядок, усугубившийся начавшимся перераспределением природных ресурсов и навязыванием русскими новой системы социально-политического устройства. Это неизбежно вызвало у «иноземцев» раздражение, дискомфорт, и, как следствие, состояние групповой фрустрации, которая психологически ориентировала на агрессию против чужаков, разрушивших привычные условия жизни и к тому же творящих насилие.

2. *Конфликт встречных действий*. Сделав ставку в деле присоединения новых земель и народов на максимальное извлечение прибыли, Российское государство долгое время рассматривало иноземцев только как потенциальных плательщиков ясака. Это обстоятельство обусловило принципиальное противоречие в конкретной политике и тактике правительства и его агентов на местах. С одной стороны, государство декларировало «миролюбие» и покровительственное отношение к аборигенам, пытаясь оградить их от злоупотреблений и лихоимств со стороны местной администрации и вообще русских людей. Но, с другой – оно же требовало безусловного объяснения иноземцев, рекомендуя местным властям использовать для этого любые способы и меры, в том числе силовые. В результате, заложенный в правительственной установке приоритет «ласки» над «жесточью» на практике воплощался, как правило, с точностью до

наоборот, а провозглашаемая охранительная патерналистски-прагматическая политика государства на этапе присоединения новых территорий превращалась в пустую декларацию и даже фикцию. Более того, указанное выше противоречие в значительной степени было формальным и практически разрешалось в пользу силовых методов, главным инициатором которых в конечном счете было государство. Кроме того, в сибиреведческой литературе уже аксиоматичным является утверждение, что ясачный режим и система ясачного обложения неизбежно порождали злоупотребления со стороны представителей местной администрации и ее агентов, а это являлось фактором, дестабилизирующим обстановку.

Встречные действия аборигенов также не отличались миролюбием. Их агрессия являлась во многом неизбежной вследствие стремления ликвидировать фактор (русское присутствие), нарушивший привычный миропорядок. Именно поэтому они нередко сами выступали инициаторами столкновений, поскольку в их картине мира «чужие» подлежали уничтожению. На это накладывалась и такая немаловажная причина нападений на русских, как грабеж в целях приобретения материальных ценностей, в первую очередь железных изделий. К тому же, насилие со стороны чукчей и коряков было вполне адекватной реакцией на насилие, которое творили русские комбатанты.

3. *Конфликт социально-политических институтов.* Социальные и потестарно-политические структуры чукчей и коряков не были готовы к восприятию новых политико-правовых отношений, принесенных русскими. Народы, находившиеся на стадии первобытного общества, объективно не могли быстро понять и принять навязываемые им систему господства-подчинения и власть далекого неведомого «великого государя» с обязательной уплатой ясака, выдачей аманатов и безусловным повиновением приказчикам и ясачным сборщикам. Следствием этого было неизбежное отторжение. Попытки же русской власти опереться на существовавшие у этих народов социальные и потестарные институты оказались неэффективными, поскольку у них отсутствовала стабильная социально-политическая элита. Эта же специфика (включая особенности родовой организации) привела к провалу опробованной в остальной Сибири практике аманатства (заложничества). Равным образом русские не могли использовать в качестве «агентов влияния» и новокрещенных, поскольку никакой целенаправленной политики христианизации в регионе до 1730-х гг. не велось. Но и в последующие годы успехи в крещении иноземцев были незначительны, особенно чукчей, да и само крещение не могло быстро привести к перестройке их сознания.

4. *Конфликт этнополитический.* Значимым конфликтогенным фактором выступала сложная этнополитическая ситуация в регионе. Все обитавшие здесь народы враждовали друг с другом с разной степенью активности и агрессивности. Появление русских еще более усугубило ситуацию, поскольку они путем военного ослабления юкагиров и коряков нарушили баланс сил и вдобавок раскололи аборигенов на ясачных и неясачных. Эта межэтническая и внутриэтническая вражда существенно затрудняла «умиротворение» иноземцев. Облагая ясаком, а соответственно, беря под свою защиту и покровительство ту или иную этнотерриториальную группу, русские включались в систему ее отношений с соседними группами. Если эти отношения были враждебными, то русские, будучи союзниками одной группы, становились врагом другой. Именно так, в частности, выстраивались взаимоотношения между русскими, оленными коряками и чукчами.

5. *Конфликт материальных интересов – борьба за природные ресурсы.* Появление русских привело, во-первых, к нарушению привычного уклада жизни и хозяйствования аборигенов, заставило их менять свое отношение к природе, что, соответственно, подорвало существовавшую у них гармонию мироздания, во-вторых, к перераспределению природных ресурсов. Степень этих изменений у разных территориальных групп коряков и чукчей была разной, в зависимости от интенсивности их контактов с русскими. В большей мере они затронули коряков, в первую очередь оленных и ту часть оседлых, которые часто взаимодействовали с русскими и чье потребляющее хозяйство не могло быстро приспособиться к новым условиям. Изъятие русскими материальных ценностей путем сбора ясака, реквизиций или ограбления, физическое уничтожение сопротивлявшихся, увод и похолопление пленных действовали разрушающе на хозяйство коряков, напрямую задевая их материальные интересы. Недовольство русскими как источником изменения образа жизни и ухудшения материального положения закономерно вызывало протест, стремление защитить свою «породную» землю, не допустив на нее или прогнав с нее незваных пришельцев. Чукчи также испытали негативное влияние русского присутствия, но иного плана, чем коряки. Они в меньшей степени подвергались военным реквизициям, зато столкнулись с русскими как с преградой, мешавшей им обладать необходимыми природными ресурсами (промысловыми и пастбищными угодьями) и расширять ареал своего обитания и хозяйствования.

Все вышеназванное обусловило то, что отношения русских с чукчами и коряками изначально и на протяжении долгого времени развивались в форме вооруженного противоборства. Но неприятие русской власти со стороны аборигенов на этапе присоединения не исключало случаев, когда они (особенно коряки) бесконфликтно и даже по собственной инициативе шли на установление (или восстановление) мирных контактов с русскими, оказывали им помощь и вносили ясак. Однако данные случаи объясняются не добровольным желанием аборигенов принять русское подданство, а их попытками использовать русских в своих собственных интересах, установив с ними партнерские отношения, когда, взамен выдачи ясака и

оказания поддержки русским, они рассчитывали на ответные услуги: подарки, покровительство и помощь в борьбе против своих врагов.

Длительность военного противостояния была вызвана в первую очередь тем, что, делая ставку на насильственный метод подчинения, русская сторона не могла обеспечить его военно-техническими, фортификационными, материальными и организационными мерами, соответствующими природно-климатическим условиям региона и специфике военных действий против неорганизованного («аморфного»), но воинственного противника, использовавшего преимущественно партизанскую тактику. Вооруженных сил в регионе, несмотря на рост их численности (в 1670-х гг. – примерно 100 человек, в начале 1720-х гг. – около 570, в начале 1750-х гг. – 850–900, в конце 1750-х гг. – более 1400), не хватало для ведения военных действий на большой территории и на «два фронта» – против чукчей и коряков. К тому же отсутствовало стратегическое и оперативное планирование боевых операций, а также согласование действий местных властей – между анадырским, охотским и камчатским командирами. Для русской стороны ведение боевых действий существенно затруднялось сложными природно-климатическими условиями региона, его удаленностью, огромными трудностями со снабжением гарнизонов всем необходимым, прежде всего продовольствием и боеприпасами.

Анализ всех составляющих военного дела русских и аборигенов, в том числе их «военного менталитета», позволил нам понять обстоятельства причин побед и поражений той и другой сторон. Непосредственно в вооруженных столкновениях русские предпочитали использовать оборонительно-наступательную и осадную тактику, которая позволяла с наибольшим эффектом применять огнестрельное оружие (а также гранаты), что и обеспечивало им победы. Чукчи и коряки, в свою очередь, не могли, как правило, противостоять русским в открытых полевых и осадно-оборонительных сражениях, зато с успехом применяли партизанскую тактику, нанося подчас значительный урон противнику благодаря фактору внезапности. Потестарно-политическая организация аборигенов не давала им возможности вести целенаправленные согласованные боевые действия. Особенно это заметно у коряков, отдельные территориальные группы которых действовали обычно самостоятельно и редко объединяли свои усилия. С одной стороны, это ослабляло их сопротивление русским, но, с другой – делало ход военных действий непредсказуемыми: русские не знали, когда и какая группа нанесет удар, который, соответственно, становился неожиданным. Чукчи и коряки, несмотря на свое численное превосходство и наличие военного потенциала (вооружения и военной подготовки), в целом сопоставимого с русским потенциалом в данном регионе, оказались слабее русских в тактическом отношении, военной организации и к тому же, что принципиально важно, имели низкий «пораженческий порог» (обусловленный особенностями «военного менталитета» первобытных народов), в результате чего и терпели поражения. Однако при этом они отличались «природной» воинственностью и агрессивностью, что затрудняло их умиротворение.

Отказ российского правительства от силовых методов и переход к политике, основанной на принципе «мир любой ценой», привели к достаточно быстрому прекращению военных действий. Вслед за этим во второй половине XVIII в. начался постепенный процесс адаптации бывших противников друг к другу. У коряков он протекал быстрее, чем у чукчей, причем наиболее интенсивно у тех их групп, которые активно контактировали с русскими. Происходившие сдвиги в их мировосприятии, в ментальных установках создавали благоприятную почву для аккультурации, начавшейся под воздействием смешанных русско-корякских браков, торговли, восприятия русских приемов хозяйственно-промысловой деятельности, христианизации, включения в русскую систему управления и т. д. Чукчи в гораздо меньшей степени подвергались русскому влиянию и еще долго сохраняли настороженное отношение к русским. Однако и они, получив в результате установившегося мира существенные материальные выгоды в виде расширения пастбищных угодий, увеличения поголовья оленьих стад, товарообмена, теряют интерес к войне и начинают воспринимать русских не как врагов, а как торговых партнеров. Параллельно с этим шла «демилитаризация» психологии русских комбатантов. Она происходила как под влиянием правительственных установок, ставших из воинственных миролюбивыми, так и в результате изменений качественного состава самих комбатантов. Эта «демилитаризация» облегчалась базовым этническим самосознанием русских, настроенным на толерантное восприятие «иных» этносов.

В заключении подводятся итоги исследования и делаются основные выводы.

Встреча русских и аборигенов крайнего северо-востока Сибири – коряков, чукчей (и азиатских эскимосов), имевших принципиально разные мировосприятия, культурные стереотипы и порождаемые ими коммуникативные установки и диспозиции поведения, не могла не сопровождаться конфликтами по самым разным поводам, причинам и обстоятельствам. В первую очередь в конфликтах были «виноваты» русские, вызывавшие негативную реакцию аборигенов как своими действиями (взятием аманатов, требованием ясака, грабежом и т. п.), так и просто фактом своего пребывания на территории, принадлежавшей аборигенам. Но возлагать «ответственность» исключительно на русскую сторону нельзя. Даже если бы русские комбатанты не провоцировали чукчей и коряков, последние все равно проявили бы (и проявляли) свою агрессивность, которая детерминировалась их восприятием «чужих», подлежащих уничтожению. Кроме того, необходимо учитывать, что русско-аборигенные отношения осложнялись вооруженными столкновениями между этносами данного региона.

Отношения с чукчами и коряками со времени первого с ними знакомства русских в середине XVII в. и до их окончательного «замирения» во второй половине XVIII в. носили преимущественно конфронтационный характер. По нашим подсчетам, за это время в регионе произошло 200 русско-аборигенных вооруженных столкновений, в том числе 46 – с чукчами и 154 – с коряками. В развитии русско-чукотско-корякских отношений достаточно четко можно выделить три периода.

Первый период: середина XVII – 1720-е гг. Это период знакомства русских с чукчами и коряками, начало их объяснения и попыток подчинения. На этом этапе русские власти пытались проводить подчинение путем уже апробированного на остальной территории Сибири сочетания, в зависимости от обстоятельств, мирных и силовых мер. Второй период, 1730-е – середина 1750-х гг., ознаменовался эскалацией вооруженного конфликта, когда русская сторона предпринимает активные усилия по установлению своего контроля над Чукоткой и Корякией, что было связано с планами расширения российских владений на восток. В начале 1740-х гг. русская власть делает ставку исключительно на силовое подчинение чукчей и коряков, следствием чего стало развертывание в регионе интенсивных военных действий. Третий период, середина 1750-х гг. – конец XVIII в., характеризуется отказом русских властей от каких-либо военных акций и перестройкой русско-чукотско-корякских отношений на мирный лад.

Длительный вооруженный конфликт между русскими, с одной стороны, и коряками и чукчами, с другой, являлся *войной*, поскольку с ее помощью политические сообщества (Российское государство и пате-старно-политические структуры чукчей и коряков) решали вопрос политический – вопрос о власти. Исходя из принятой в военной антропологии и социологии классификации русско-аборигенное вооруженное противоборство на крайнем северо-востоке Сибири по масштабу и территориальному охвату можно отнести к типу *региональной локальной войны*. По целеполаганию и уровню развития противоборствующих политических сообществ она являлась со стороны Российского государства, стремящегося к контролю над территорией, ее населением и ресурсами, *колониальной войной*, а со стороны чукчей и коряков, стремящихся к сохранению или восстановлению своей независимости – *освободительной войной*. Но при этом война не носила фронтального характера, ее нельзя в полной мере назвать «настоящей» войной. Антирусская борьба чукчей и коряков была разрозненной и асинхронной, их территориальные группы, а зачастую отдельные поселения (особенно у коряков) действовали разобщенно, их объединения были редки. В результате вооруженные столкновения, несмотря на их частоту, носили локальный характер. Кроме того, во-первых, война по времени не была непрерывной, военные действия перемежались периодами мирного затишья, во-вторых, хотя основная масса чукчей, эскимосов и коряков была настроена по отношению к русским враждебно, отдельные их группы (что особенно заметно у коряков) занимали нейтральную и даже прорусскую позицию, в-третьих, русская сторона наряду с насилием пыталась использовать и мирные методы подчинения аборигенов.

Отказ от военных способов подчинения чукчей и коряков достаточно быстро привел к установлению мира в регионе. Одновременно начался процесс адаптации и аккультурации бывших противников, в его основе лежали «демилитаризация» сознания, сдвиги в ментальных установках и мировосприятии русских, чукчей и коряков. Быстрее этот процесс протекал в рамках русско-корякских отношений и медленнее – русско-чукотских.

Сформулированные нами критерии присоединения – наличие политико-правового акта о приеме в подданство и принятии подданства («государева жалованного слова» и присяги-«шерти»), реальное закрепление русских на присоединяемой территории путем строительства укрепленных пунктов и включения территории в русскую административную структуру, стабильное взимание ясака без применения открытого насилия – позволили определить, что к концу XVIII в. чукчи лишь формально были объявлены подданными российской короны, а реально и они, и Чукотский полуостров были неподконтрольны русской власти, т. е. остались неприсоединенными. В отличие от них, большая часть коряков (исключая кереков) и их земли были присоединены к России.

В целом проведенное исследование позволяет отказаться от господствующего в историографии взгляда на характер процесса присоединения к России крайнего северо-востока Сибири и его народов – коряков, чукчей и азиатских эскимосов – как преимущественно мирного и признать, что этот процесс протекал *преимущественно в форме завоевания* и, соответственно, можно говорить о *преимущественно военном присоединении*. Наличие многих конфликтогенных факторов в русско-аборигенных отношениях неизбежно вели к вооруженной конфронтации, пока российское правительство принципиально не отказалось от использования насилия при присоединении данного региона. Но к этому моменту сопротивление коряков уже было сломлено, и над ними стала устанавливаться юрисдикция русской власти. Чукчи же не только остались независимыми, но и фактически одержали победу в «столетней войне» с Россией, установив выгодные для себя условия мирного сосуществования с русскими.

Процесс присоединения Чукотки и Корякии в форме завоевания не являлся чем-то необычным на общем фоне расширения пределов сначала Московского царства, затем Российской империи. Известно, что установлению русской власти в той или иной степени оказали вооруженное сопротивление практически все сибирские народы, точнее говоря, отдельные территориальные группы почти всех народов (часть татар, хантов, манси, селькупов, тунгусов, бурят, якутов, предков алтайцев и т. д.). Можно также заметить,

что не менее и даже более длительное время – с начала XVII и почти до конца XVIII в. – Россия осуществляла присоединение еще одного сибирского региона – Алтая. Равным образом не только чукчи и коряки так упорно отстаивали свою свободу – напрашивается сравнение с кавказскими горцами и башкирами. Однако это не отрицает уникальности «столетней войны» на северо-восточном рубеже России.

Эта уникальность заключается в том, что длительное сопротивление народов, находившихся на первобытной стадии развития, было вызвано исключительно факторами «местного происхождения», условиями и обстоятельствами их взаимодействия с русскими. На русско-аборигенные отношения в регионе не оказывала влияния какая-либо внешняя сила (вмешательство более развитых социально-политических образований или государств). Никакие другие сибирские народы, кроме чукчей и коряков, *сами по себе* не смогли оказать *длительного вооруженного* сопротивления русским.

Изложенные в диссертации наблюдения и выводы актуализируют постановку вопроса о необходимости проведения сравнительного анализа присоединения к России отдельных регионов Сибири и отдельных сибирских народов, что поможет глубже понять причины и факторы, как вызывавшие конфликты, так и способствовавшие взаимной адаптации и аккультурации русских и аборигенов. Выстроенная на основе такого анализа историко-типологическая модель присоединения сибирских регионов и русско-аборигенных отношений позволит, в свою очередь, лучше понять, насколько российская колонизация Сибири вписывалась в общемировой процесс строительства колониальных империй в XVI–XIX вв. Только опираясь на исследование военно-политической стороны «сибирского взятия», мы сможем дать убедительный ответ на вопрос, отличались ли принципиально присоединение Сибири к России и русско-аборигенные отношения по своему характеру от захвата колоний западноевропейскими государствами и от взаимоотношений европейских конкистадоров с покоряемым населением, или все же «русский» вариант был лишь одним из вариантов наряду с «английским», «испанским», «французским», «португальским» и т. д.

В **приложении 1** содержатся две карты: «Расселение народов северо-востока Сибири к началу XVIII в.» и «Местоположения и даты основания русских острогов и крепостей на крайнем северо-востоке Сибири в XVII–XVIII вв.». В **приложении 2** приводятся 25 таблиц, демонстрирующих динамику численности русского воинского контингента в регионе на протяжении XVII–XVIII вв., а также численность ясачных коряков за отдельные годы XVIII в. В **приложении 3** даны хроники русско-чукотских и русско-корякских столкновений в XVII–XVIII вв. **Приложение 4** содержит иллюстративный материал по вооружению чукчей и коряков.

Основные положения диссертации отражены в 22 опубликованных работах, общим объемом 61,7 п. л.

1. Зуев А. С. Русские и аборигены на крайнем Северо-Востоке Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII вв. / Новосибир. гос. ун-т. Новосибирск, 2002. 330 с. (41,7 п. л.).

2. Зуев А. С. Русская политика в отношении аборигенов крайнего Северо-Востока Сибири (XVIII в.) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 1. Вып. 3: История / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2002. С. 14–24 (1,5 п. л.).

3. Зуев А. С. Промемории Д. И. Павлуцкого о деятельности Анадырской партии в начале 1730-х гг. // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 2. Вып. 2: История / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2003. С. 133–139 (1,5 п. л.).

4. Зуев А. С. Русские поселения на севере Дальнего Востока (К вопросу о дате и месте основания первого русского острога на р. Олюторе и датировке карты Ивана Льюва) // Вестник Дальневосточного отделения РАН. Владивосток, 2003. № 1. С. 108–113 (0,4 п. л.).

5. Зуев А. С. Русско-чукотский мирный договор 1778 г. // Гуманитарные исследования: итоги последних лет. Новосибирск: Изд-во НИИ МИОО НГУ. 1997. С. 76–79 (0,2 п. л.).

6. Зуев А. С. «Немирных чукчей искоренить вовсе» // Родина. М., 1998. № 1. С. 38–41 (1,0 п. л.).

7. Зуев А. С. О характере присоединения Сибири к России (постановка проблемы) // Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 1998. С. 36–39 (0,2 п. л.).

8. Зуев А. С. Характер присоединения Сибири в новейшей отечественной историографии // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 1: Культурный космос Евразии / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 1999. С. 124–136 (1,1 п. л.).

9. Зуев А. С. Анадырская партия: причины и обстоятельства ее организации // Вопросы социально-политической истории Сибири (XVII–XX века) / Бахрушинские чтения 1997 г. / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 1999. С. 18–39 (1,4 п. л.).

10. Зуев А. С. От завоевания к вхождению, или как присоединяли Сибирь советские историки // Родина. М., 2000. № 5. С. 56–63 (0,4 п. л.).

11. Зуев А. С. Поход Д. И. Павлуцкого на Чукотку в 1731 г. // Актуальные проблемы социально-политической истории Сибири (XVII–XX вв.) / Бахрушинские чтения 1998 г. / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2001. С. 3–38 (1,8 п. л.).

12. Зуев А. С. «Конкистадоры империи»: русские землепроходцы на северо-востоке Сибири // Ab Imperio: Теория и история национальностей и национализма в постсоветском пространстве. Казань, 2001. № 4. С. 81–108 (1,4 п. л.).

13. Зуев А. С. К вопросу о присоединении к России крайнего Северо-Востока Сибири во второй половине XVII – начале XVIII вв. // Актуальные вопросы истории Сибири: Третьи науч. чтения памяти проф. А. П. Бородавкина: Матер. Всерос. конф. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 135–138 (0,1 п. л.).
14. Зуев А. С. Начало деятельности Анадырской партии и русско-корякские отношения в 1730-х годах // Сибирь в XVII–XX веках: Проблемы политической и социальной истории / Бахрушинские чтения 1999–2000 гг. / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2002. С. 53–82 (2,0 п. л.).
15. Зуев А. С. Т. И. Шмалев как исследователь русско-аборигенных отношений на северо-востоке Сибири в XVIII в. // Проблемы истории, историографии и источниковедения России XIII–XX вв.: Материалы конф., посвящ. памяти проф. А. А. Говоркова. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 2003. С. 78–84 (0,4 п. л.).
16. Зуев А. С. Приказчики камчатских острогов в 1700–1731 годы // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. (Историко-археологические исследования) / Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. Владивосток: ДВО РАН, 2003. С. 70–79 (1,0 п. л.).
17. Зуев А. С. Численность военнотружителей людей на Северо-Востоке Сибири в 1720–1760-х гг. // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. (Историко-археологические исследования) / Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. Владивосток: ДВО РАН, 2003. С. 80–103 (1,5 п. л.).
18. Зуев А. С. Восстание коряков-карагинцев в 1746 г. и братья Лазуковы // Вестник Камчатск. регион. ассоциации «Учебно-научный центр». Серия: Гуманитарные науки. Петропавловск-Камчатский, 2003. № 2. С. 38–48 (0,5 п. л.).
19. Зуев А. С. Русская тактика осады и взятия «иноземческих» острожков (Из истории Северо-Востока Сибири XVII–XVIII вв.) // «Мы были». Генерал-фельдцейхмейстер Я. В. Брюс и его эпоха: Материалы Всерос. науч. конф. (12–14 мая 2004 г.) / Военно-ист. музей артиллерии, инженерных войск и войск связи. СПб., 2004. С. 60–62 (0,4 п. л.).
20. Зуев А. С. Из истории присоединения Северо-Восточной Сибири: русско-корякские отношения в XVII–XVIII веках // Якутия – форпост освоения Северо-Восточной Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки / Якутский гуманит. ин-т АН РС (Якутия). Якутск, 2004. С. 59–81 (1,3 п. л.).
21. Зуев А. С. Походы Д. И. Павлуцкого на Чукотку в 1744–1747 гг. // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2004. Вып. 1. С. 207–230 (1,7 п. л.).
22. Зуев А. С. Ф. Х. Плениснер как исследователь северо-востока Азии // «Aus Sibirien – 2005»: науч.-информ. сб. / Тюмен. гос. ун-т. Тюмень: Экспресс, 2005. С. 57–58 (0,2 п. л.).